

18+

Людмила Павловская

Тайны Гроама. Дилогия

Людмила Павловская
Тайны Гроама. Дилогия

«Издательские решения»

Павловская Л.

Тайны Гроама. Дилогия / Л. Павловская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693901-1

В эту книгу вошли две части опубликованной ранее трилогии: «Тайны Гроама», «Тайны Гроама. За гранью сна» и «Тайны Гроама. История Германа». Каждая из частей существует как самостоятельное произведение и представлена издательством Ridero. Герои повестей попадают в волшебную страну Гроам. У каждого из них свой путь и своя история, но все они познают подлинную суть жизни, вдохновившись тайнами Гроама.

ISBN 978-5-00-693901-1

© Павловская Л.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая. За гранью сна	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	42
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Тайны Гроама. Диалогия

Людмила Павловская

Корректор Вера Антоновна Чупина

© Людмила Павловская, 2026

ISBN 978-5-0069-3901-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая. За гранью сна

Самым близким – маме Вере Антоновне, мужу Игорю и дочери Наталье посвящается.

Посланник из Созвездья Льва встречал загадочной улыбкой. Сыграв со мною в преферанс, сберёг от горестной ошибки. И, провозжая через мглу в края надежды и покоя, Тропу украсил серебром и увлажнил своей слезою.

Посланник из Созвездья Рыб был полон чувства превосходства, Но, снизойдя ко мне, открыл дорог пересекаться свойство. Рассеял призрачный туман, и вот, познав его планету, Я продолжаю долгий путь в страну оранжевого цвета.

Глава 1

Нежный летний ветерок пытался прорваться сквозь влажную пелену жары. В душном городе находиться было просто невыносимо, поэтому, воспользовавшись выходными, я бежала на остров, чтобы почувствовать хоть какое-то отдаление от цивилизации. Пятьдесят минут на пароме вдоль побережья – чудесное путешествие! При этом затянутый пеленой смога город – как эта серость видна издалека! – находится совсем близко, но ширина морской глади не даёт приблизиться шумному и суетливому настроению мегаполиса сюда, в этот чудесный, прямо-таки райский уголок. И вот ты уже не узник города, а гость приютившего тебя кусочка тишины, которая особенно сильно ощущается ночью. Если ты, надышавшись свежего воздуха, пропитанного йодом, всё же проснёшься за полночь, то буквально окунёшься в несравненное спокойствие, такое непривычное для городского жителя. Волшебство непременно должно произойти со мной именно здесь! Ведь для встречи с ним я и вырвалась из огромного городского муравейника! Просто жаждала чего-то необычного! А когда чего-то очень сильно хочешь, желаемое непременно сбудется. Ой, кто-то сказал уже эту фразу раньше меня... Сейчас здесь, на пароме, предчувствие чего-то невероятного, что произойдёт в моей жизни, не покидало меня. Оно сквозило во всём: и в волнующем кровь, освежающем тело морском бризе, и в нервном крике прожорливых чаек, и в солёном запахе моря, сверкающего на солнце бирюзой.

Я сильнее сжала пальцы на борту парома и пристальнее вгляделась в синеватую воду, представляющую взору то огромную голубую медузу, то косячок каких-то мелких рыбёшек. Но полностью раствориться в сказочном чувстве полёта в детство мне не удалось...

– Извините. Мы не помешаем?

Обернувшись на голоса, я увидела весьма колоритную парочку: мужчину и женщину. С озабоченностью, свойственной туристам, они пытались втиснуть в небольшой островок пространства две дорожные сумки. Моё согласие их совершенно не беспокоило. Но я почему-то ответила:

– Да, пожалуйста.

Меня учили ещё в детстве, что разглядывать людей слишком откровенно неприлично. Вспомнив об этом, нехотя отвернулась от парочки. А посмотреть было на что! Точнее, на кого. Молодой мужчина выглядел вполне заурядно и нисколько не броско, эдакий повзрослевший маменькин сынок. Его кругленький животик был обтянут рубашкой в клеточку, на голове – достаточно модная бейсболка, стильные очки «хамелеоны» для улучшения зрения. Шорты «бермуды» защитного цвета и босоножки-мокасины завершали облик молодого, но полнеющего интеллигента на отдыхе. А вот его спутница заметно выделялась из пёстрой толпы стремящихся удрать из знойного города поближе к первозданной красоте людей. Крупная,

широкоплечая, гренадёрского вида, она была на полголовы выше своего друга. Коротко подстриженные волосы открывали широкую шею. Подкрашенные в чёрный цвет бровки домиком росли над небольшими голубыми глазами в обрамлении чёрных коротких, но тщательно подкрашенных ресниц. Аккуратно выведенные капризным бантиком губы представляли отличнейшую работу мастера татуажа. Декольте красной футболки щедро демонстрировало богатое достоинство женщины – грудь размера пятого или даже шестого. Яркая надпись на футболке «Не твоя» делало объект ещё привлекательнее.

«Ты знаешь, мы забыли купить фрукты, а я их просто обожаю. Ну что теперь делать?» – капризно произнёс мужчина. «Не надо ни о чём переживать, купим мы фруктыки», – ласково, по-матерински, успокоила его дама. Я подумала, что далеко не каждая женщина вложила бы столько нежности, обращаясь к своему мужу или другу. С любопытством обывателя я стала прислушиваться к диалогу «сладкой парочки», как мысленно окрестила своих внезапных соседей.

– Тебе здесь хорошо? Или, может, пойдём внутрь?

– Я не для этого вырвался из города, чтобы сидеть внутри паррома и не видеть этой красоты.

– Хочешь конфетку? Я взяла твои любимые.

– Не, лучше квасу.

– На, но аккуратно пей, он холодный. Если замёрзнешь, скажи, сразу пойдём внутрь.

«Ну, прямо-таки заслушаться можно, – подумалось мне. – Странно, они такие разные. Дама, кажется, одной левой быка перешибёт, но почему-то с такой нежностью выполняет любые прихоти мужичка, который, на мой взгляд, ничего собой не представляет и ведёт себя капризно, как избалованный мальчик, видимо, привык в совместном быту всё по щелчку получать. А впрочем, какое мне дело до них...»

«Марья! – раздался вдруг крик, ярко выделяющийся среди людского разноглосья. – Где ты, Марья?!» Я посмотрела в сторону, откуда раздавались крики, наверное, не было на пароме человека, который хоть на секунду не среагировал бы на этот вопль. Впечатляющего вида тётя лет тридцати пяти вышла из закрытой части судна и, слегка покачиваясь, стала сурово вглядываться в толпу, продолжая взывать к загадочной Марье. Длинные невымытые волосы развевало солёным ветром, густая длинная чёлка то и дело падала на маленькие чёрненькие глазки-смодинки с размазанной тушью. На даме красовались растянутые джинсы, весьма замызганные на коленях, и жёлтая футболка, предательски открывающая миру толстенький живот её обладательницы. Пальцы с облезлым, некогда красным маникюром сжимали бутылку пива, почти пустую. На «диву» уже почти никто не обращал внимания, а она, пытаясь удержать равновесие, пошла между рядами перевозимых на пароме машин, повторяя на разные лады имя своей спутницы. «Тётя, вы подружку ищите? – спросил кто-то из кучки весёлых подростков, стоящих недалеко от аппарели. – Наверное, это она, спит здесь, рядом с нами». Брюнетка, раскачивая пышными бёдрами, гневно сверкая глазами, двинула к подросткам.

– И где она?

– Да вот же, спит, не слышит.

Мальчишки расступились, и взору присутствующих на пароме пассажиров открылась такая картина: маленькая девушка, одетая в чёрные брючки и чёрную футболку, трогательно обняв ведро для мусора, спала сладким сном младенца. Пустая бутылка из-под пива валялась в этом же ведре. Тётя бросилась к подружке:

– Марья, ну, вставай! Скоро приедем, или ты назад погребёшь?

– Мю... м-м-м... мю...

– Ну ты нашла, где привал устроить! Вставай! Сейчас приедем, на пляжике поваляемся!

– Отстань, мне и здесь хорошо.

Мой сосед неожиданно оживился и, вытянув шею, попытался рассмотреть двух выпивших красоток. И в этот момент его дама из заботливой мамы превратилась в строгую воспитательницу. Стремительно загородив обзор своим большим телом, она исподлобья глянула на своего спутника и достаточно грубо прикрикнула: «Чего уставился?! Алкоголичек никогда не видел?! Вон на море смотри! Наслаждайся природой! И хватит квас дуть! Ищи потом туалет тебе!» При этом она резко вырвала из рук у мужчины бутылку с квасом и, закрутив крышку, поставила напиток на сумку с продуктами. Мужчина испуганно подчинился. Не проронив в ответ ни слова, послушно повернулся в сторону серо-зелёных волн. Дама ещё какое-то время грозно смотрела на покорного компаньона, загораживая своим телом пассажиров парома, но, поняв, что друг больше не проявляет интереса к шумным подружкам, успокоилась и тоже начала изучать морской пейзаж.

«А, вот оно что! Дамочка – тиран! Наверное, она очень любит своего мужчину и не хочет никому дарить его внимание», – пронеслось у меня в голове. И моя фантазия тут же подбросила картинку: мой сосед, игриво улыбаясь, направляется к двум выпившим подружкам. Очки сверкают на солнце, в руке бутылка кваса. Он предлагает опохмелиться этим вкусным напитком пьяным девушкам, а его приятельница... Я не успела придумать, что делает его приятельница. Мои мысли нарушил шум голосов, маты возле аппарели. Я посмотрела в ту сторону, откуда они доносились. Марьюшка исполняла «Оперу рыголетто», перегнувшись через борт парома, подружка поддерживала её за талию и громко материлась. Подростки, стоявшие рядом, хохотали.

– Что-то холодно, пойдём внутрь, – брезгливо проворчала «гренадёрша».

– Конечно, конечно, если тебе прохладно, давай уйдём, – нежно ответил ей «маменькин сынок».

Парочка, подняв свои огромные сумки, проследовала в закрытое помещение парома. «Ого, как поменялась драматургия», – улыбаясь, подумала я.

Тем временем оставалось минут пятнадцать пути. Мысли о предстоящем волшебстве начисто покинули меня; я представляла, как приеду, поднимусь в квартирку моей доброй родственницы, благодаря которой имею возможность в комфортных условиях проводить время на острове – она любезно даёт ключи от своей пустующей квартиры – налью чашечку кофе с чайной ложечкой коньяка и начну великий праздник «ничегонеделания». Пойду на море, а вечером приедет муж. И вот я – абсолютно счастливая на отдыхе!

«У аппарели будьте осторожны», – раздался голос капитана. И я, подгоняемая толпой, тоже предвкушающей отдых, поспешила к выходу. По пути обогнала Марьюшку с приятельницей. Толстушка несла чёрный пакет, содержимое которого позвякивало, явно угадывались бутылки, конечно же, со спиртным. Марьюшка же тащила две небольшие дамские сумочки и громко, пьяно смеялась. А где же «сладкая парочка»? А-а-а, они почему-то оказались впереди, бодро обгоняли толпу, пытаюсь перехватить свободное такси, причём тащила неподъёмные сумки «гренадёрша», в руке «маминог сыночка» только бутылка кваса. «Парень – счастливчик», – весело подумала я.

Воздух острова всегда заряжал меня каким-то детским оптимизмом! Здесь всегда чувствую себя моложе, здоровее, красивее, веселее, бодрее. Вот и сейчас я достаточно легко взобралась по крутой лестнице, ведущей от переправы вверх к домам, где меня поджидала уютная квартирка родственницы. В этой маленькой «однушке» чувствую себя очень комфортно, как дома. Забегая в подъезд и мысленно предвкушая наслаждение от кофе с коньяком, я на секунду оторопела – на лестничной площадке возвышалась высокая фигура в чёрном. Но тут же на смену испугу пришло удивление – монах! Он стоял прямо перед дверью квартиры, куда я собиралась войти, и глядел на неё как бы в нерешительности. Но, увидев меня, тотчас поспешил к выходу. Не успев издать ни звука, я удивлённо глядела на инок. Монах быстро прошёл мимо меня и вышел из подъезда. Он не сказал ни слова, лишь на сотую долю

секунды взглянул на меня. Казалось, ничего не произошло, подумаешь, монах пришёл к кому-то из жильцов подъезда, перепутал дверь, забыл, где живут его знакомые. Однако его короткий взгляд остро врезался в меня, вошел в моё сознание, словно прожёт насквозь. Даже не могу подобрать слов, чтобы объяснить, что именно я почувствовала в короткий миг нашей встречи, успела запомнить его глаза, небольшие, глубоко посаженные. В обрамлении густых серых ресниц они, казалось, излучали множественность противоречий нашего мира. Отливающий сталью взгляд вначале показался мне устало суровым, а через мгновение – ласково снисходительным или грустно успокаивающим. Ещё никогда в жизни я не была под таким сильным, волнующим впечатлением от мимолётной встречи! Монах уже давно вышел из подъезда, а я стояла неподвижно, как вкопанная, рассеянно перебирая ключи. Впрочем, странного в самом факте появления монаха ничего не было. На острове, в пяти минутах ходьбы от дома, в котором я остановилась, находился мужской монастырь. Он был построен совсем недавно. Красивые деревянные домики-кельи, видимые из-за высокого зелёного забора, радовали глаз строгостью и аккуратностью, а колокола звонили, как и положено, три раза в день, наполняя воздух степенными звуками, очищающими мысли и вселяющими спокойствие. Меня удивило другое: монахи просто так не гуляли по острову, один раз я видела парня в рясе, спешившего с парома в монастырь, и, пожалуй, всё. Было даже немного странно: монастырь стоит, а монахов не видно. Но, с другой стороны, верующие затворники и не должны праздно шататься, это ведь не отдыхающие из города.

Выпив свой любимый кофе, надев купальник, я почти забыла о встрече в подъезде, осталось лишь какое-то странное, тонкое, волнующее настроение, подаренное мне взглядом внимательных серых глаз. Через полчаса я уже шагала в направлении моря. На плече у меня висела сумка с покрывалом и с бутылкой воды. Про инока и думать забыла.

Расстелив покрывало на песке, раздевшись, быстро зашла в воду и пару раз присела так, чтобы вода накрыла только плечи. Плавать я не умею вообще. Да-да, к моему стыду и огорчению. Живу возле моря, но воды боюсь, как огня, вот такой каламбур. По правде говоря, я покривила душой, особого стыда и огорчения давно уже не испытываю, комплекс боязни воды отстал от меня лет на пятнадцать после того, как жизнь начала знакомить меня с массой «единомышленников». Конечно, осознаю, сколько теряю кайфа в морской воде, не умея плавать, но ничего, мало ли кому и что всем нам не удаётся испытать, я, может, на другое способна. Порассуждав таким образом, приступила ко второй части своего «великого заплыва»: присела и опустила на руки, начала ходить по дну, шлёпая по воде ногами. Любимое упражнение в воде! Потом перевернулась и то же самое проделала, только уже лёжа на спине. С чувством выполненного долга я выбралась из глубины по колено (вообще-то моя любимая глубина – по пояс) и упала на покрывало, подставив горячему летнему солнцу спину. Сладкая истома быстро взяла меня в плен, глаза начали слипаться, я не стала сопротивляться желанию уснуть и с удовольствием задремала.

Глава 2

В своём сне я быстро шла, почти бежала по сырому осеннему лесу. Вдруг, откуда ни возьмись, подул холодный ветер; съёжившись и подняв голову, увидела, как две огромные рваные тучи застилают горизонт. Чувствуя, что останавливаться нельзя, попыталась собрать последние силы, чтобы двигаться дальше. Длинная серая юбка развевалась на ветру. Пряди волос, вырванные ветром из причёски, больно били по лицу. Вдалеке раздавался лай собак, но мне уже не было страшно: ручей, через который я только что перебралась, не даст им возможности выйти на мой след. Пожалуй, можно расслабиться и отдохнуть. Полы юбки намокли, но я не чувствовала холода. «Что делать?» – с ужасом подумала я, а потом громко выкрикнула эту фразу. Я не отличалась особой смелостью, но сейчас во что бы то ни стало должна была помочь главному в моей жизни человеку. Его имя – Огл. Мы познакомились почти год назад. Вот как это произошло. Огл жил на окраине посёлка, он поселился здесь недавно и сразу завоевал славу чудного и странного человека. Молодой человек был вежлив и спокоен, на игривые взгляды девушек не реагировал, сторонился компаний и вечерних посиделок с элем. И если бы не постоянные разговоры сельских девушек о странном парне, то я и не думала бы о нём, не интересовалась его тайнами. Однажды моя подруга Ника заговорила шепотом мне, что наш таинственный сосед – колдун и ворожей. Она рассказала, что сама видела, как он на ярмарке продавал картины с «живыми» рисунками. А ещё кто-то слышал, как поздно вечером из его дома доносятся странные звуки, словно кто-то играет на невиданном, неслыханном музыкальном инструменте. Не очень-то я верила всем этим сплетням, хотя поболтать о незнакомце было приятно. А потом мы неожиданно встретились...

С детства у меня было излюбленное место в лесочке на окраине посёлка. На небольшой полянке росло старое дерево, а рядом струился весёлый ручей. Я садилась на надломленную ветку и глядела на стремительно бегущий ручеёк, погружаясь в мир фантазий. Вначале мысли были сбивчивы, в голове сумбур, но постепенно думы выравнивались и начинали принимать разнообразные формы. Иногда я представляла себя феей этого леса, мысленно разговаривала с мотыльком, сидящим на травинке передо мной. Мне казалось, что слышу его тоненький голосок, и этот голосок даёт ответы на все мои вопросы. Он рассказывал всё о прошлом и будущем Земли. Суть человеческой жизни делалась понятной и простой, как азбука для пятиклассника. А порой мои мысли носили другой характер. Я – царица мира, несущаяся на мягких облаках, а потом вдруг – пылинка во Вселенной и сама Вселенная, огромная и прекрасная, понимала все звуки, которые издавала природа, и сама была одним из этих звуков. Иногда достаточно долго пребывала в подобном чудесном состоянии, потом так не хотелось выходить из него, как не хочется просыпаться ранним зимним утром. Я была счастлива просто оттого, что могу вот так спокойно сидеть и смотреть на воду, а завтра тоже смогу прийти сюда и опять думать обо всём на свете.

В один из таких моментов раздумья мне вдруг показалось, что кто-то стоит совсем рядом. Испугавшись, я вздрогнула и оглянулась. Незнакомец стоял не рядом, а достаточно далеко от меня, но от пристального взгляда его серых глаз закружилась голова.

– Привет, – тихо произнёс он.

Я лишь слабо кивнула.

– Отдыхаешь, а я тебя сразу и не заметил, хотя уже давно нахожусь здесь... Ты, наверное, только что сняла шапку-невидимку? – мужчина улыбнулся, глаза его засмеялись и стали добрыми, как у сказочного волшебника на картинке к детской сказке.

– Вы, наверное, заняты чем-то очень интересным, раз не замечаете ничего вокруг? – спросила я. Голос мой был слаб и тих.

– Хочешь посмотреть? Подойди, не бойся...

Я поднялась, нерешительно помялась на месте, а затем направилась к собеседнику. Приблизившись, увидела, что перед молодым человеком стоит небольшой мольберт, вернее, это был не мольберт, а какой-то непонятный предмет, похожий на него. Рядом на сломленном дереве заметила жестянку с водой и обычную школьную акварель.

– Как тебя зовут?

– Аниста.

– А я Огл.

– Вы рисуете?

– Давай на «ты», мне ведь не девяносто девять лет. А на рисунок, если хочешь, посмотри.

Я взглянула на небольшой листок, закреплённый на «мольберте». Это был весьма странный рисунок. Казалось, художник просто бездумно чиркает красками по листку, но уже через мгновение поняла, что вижу знакомый пейзаж. Хоть на листке плотной бумаги и не было изображения пестрящей листвой сопки и маленькое облачко, висящее на небе, на нём не было изображено, тем не менее, я точно знала, что Огл рисует именно эту поляну, где мы сейчас встретились.

– Вы... Ты рисуешь другое измерение? – вырвалось у меня. – Почему это место так странно выглядит?

И миг меня обжёг пронзительный взгляд стальных глаз. Кажется, моё сердце замерло на месте, а потом устроило дикую пляску. Глаза Огла в обрамлении густых чёрных ресниц были необычного серо-стального цвета. Он лишь на секунду взглянул на меня, а мне показалось, что мой новый знакомый видит меня насквозь и читает все мои мысли. Смутившись, почувствовала, как сладко заныло под ложечкой, и тут же покраснела.

– Ты поняла, что здесь нарисовано? Хотя чему удивляться... Попробуй нарисовать что-нибудь тоже.

– Где? И как? Я не умею рисовать!

– Да прямо здесь, и почему ты решила, что не умеешь рисовать? Как только человек берёт в руки карандаш и учится его держать, он уже может рисовать. Ну, держи кисть, пробуй.

– Но я испорчу твой рисунок.

– Ха-ха! Ты так говоришь, словно перед тобой шедевр мирового искусства!

Я взяла кисть и вдруг поняла, что именно буду сейчас рисовать. Моя рука непроизвольно опустилась в жестянку с водой, затем в зелёную краску, штрих – жёлтая краска, штрих – синяя. Не зная, какую краску сейчас возьмёт кисточка и какие движения сделает моя рука, я точно была уверена, что делаю всё правильно, чувствовала – рисунок начинает жить! Вдруг рука обмакнула кисть в красную краску и начала выводить какие-то странные знаки, похожие на иероглифы. Я располагала их сверху вниз, вдоль края рисунка.

– Откуда?! Откуда ты знаешь Символы Гроама?

– Что? Какого Гроама? Какие Символы? Я не знаю, что делают мои руки...

– Аниста! Наконец-то я нашёл тебя!

Вот так состоялось наше знакомство. Сейчас же, стоя под чёрными рваными тучами, знала одно: я должна спасти Огла не только потому, что он мой извещающий, а потому, что он самый дорогой для меня человек...

* * *

– Э-э-енто кто? Э-э-енто кто?

В недоумении я открыла глаза. Батюшки мои! Уснула! Как моя спина? Не сгорела?! Нет. Всё хорошо. «Молодчина, Любашенька! – похвалила я сама себя. – Догадалась предварительно спину защитным кремом от солнца намазать. Умничка! Интересно, долго я была в объятиях Морфея?» А голос рядом продолжал гнусаво вопрошать в сотовый телефон: «Ну,

кто это? Кто?» Я оглянулась. Ба!!! Старые знакомые! «Сладкая парочка» с парома расположились недалеко от меня. На «мамино сыночке» были шорты синего цвета в крупный горох, а на «гренадёрше» микроскопический купальник, делавший её похожей на большую гусеницу, которая, судя по яркому парео, лежащему на песке, мечтает стать бабочкой. Вокруг парео валялось несколько пустых бутылок из-под пива. Парочка была явно навеселе. «А Евгеша и Женечка уже приехали и отдыхают!» – гнусавил мужчина, смешно собирая губки уточкой. Дама, перегнувшись через плечо спутника, кричала в трубку громким голосом, переходящим на радостный визг: «Я в восторге! Я в полном восторге! Нам с Женечкой здесь очень нравится!» «Всё ясно, – подумала я, – „маменькин сынок“ – Женечка, а „гренадёрша“ – Евгеша, поэтому они вместе. Магия имён». Осознав эту сакраментальную суть, поднялась и направилась к воде. Перед тем как покинуть пляж, стоит ещё раз совершить великий заплыв на глубину по колено.

Глава 3

«Приснится же такое», – думала я, шагая с пляжа по пыльной дороге, но странное чувство реальности только что пережитого не оставляло меня. Сон не выходил из головы, это было похоже, скорее, на де-жавю. Что-то необыкновенное произошло со мной: в удивительном лесу, знакомясь с парнем по имени Огл, я была поражена его глазами, взглядом, который они излучали. И тут до меня дошло! Конечно же, я видела этого человека в реалии! Это же монах, который встретился в подъезде! Огл обладал такой же высокой фигурой и пронзительной ста­лю взглядом... «Ну, понесло тебя, – усмехнувшись, одёрнула я себя, – очень глупо так реагировать на мимолётный взгляд мужчины, да ещё и монаха! Чай, не девочка! Что это на тебя нашло? Что это вдруг такая впечатлительность? Как у двадцатилетней! С Егором лишь полдня не виделась, а уже такая реакция на взгляды мужчин. Да этот монах и не смотрел на тебя толком, так, мельком глянул. Вот он стоит сейчас где-нибудь на службе или просто занимается своими монашескими делами и не вспоминает о тебе, во-первых, потому что монахам нельзя думать о женщинах, а во-вторых, тебе не двадцать лет, как в этом странном сне на пляже, а в два раза больше!» От этих мыслей почему-то испортилось настроение. Но проходя мимо монастыря, поневоле присматривалась – вдруг увижу что-нибудь интересное для себя, однако за высоким зелёным забором совершенно ничего не было видно. В конце концов, решила, что разрешу себе немного подумать о сне и серых глазах Огла. Почему бы нет? Ведь это мои мысли и моя голова, что хочу, то и делаю. Кому от этого плохо? Вот, успокоила себя, и настроение вновь улучшилось.

По дороге зашла в магазин, купила хлеба, его не привозят из города, а пекут здесь, на острове. Этот хлеб обладает невероятным вкусом – нежный, просто тает во рту, а запах свежей корочки сводит с ума! «Может, его в монастыре пекут?» – подумала я и засмеялась собственным мыслям. Представила, как Огл, монах в белом фартуке, одетом прямо на монашескую рясу, замешивает муку, погружая в тесто нервные длинные пальцы. Стоп! Его рук я не видела ни во сне, ни наяву. И в одно мгновение ока на мысленном экране – пекарь! Монах поднял голову и посмотрел на меня. Глаза его смеялись, как у доброго волшебника из детской сказки, а нос был в муке. Сердце учащённо застучало, а в груди сладко заныло... «Ну, это уже слишком! – подумала я. – Что это с тобой? Крыша от свежего воздуха поехала, или заплыв на длинную дистанцию повлиял?»

Придя домой, принялась готовить обед на скорую руку: сайровый суп, салат из свежих помидоров и огурцов, бутерброды с сыром, помыла несколько яблок. Обожаю сорт розмарин, только жаль, что, когда сезон этих яблок заканчивается, они превращаются в какую-то ватную жвачку. Очень люблю яблоки, но только сладкие сорта, кислые, пожалуй, более ароматные, но у меня от них сводит скулы. Предпочитаю яблочки по сезону, в каждом определённый вкус и аромат, но время одного сорта уходит – сразу яблоко становится ватным и с лёгкой горчинкой, тогда уж оно вряд ли кому-нибудь понравится.

В дверь постучали. «Егор!» – обрадовалась я. Мы с мужем десять лет вместе. Но чувства не стали пресными, пожалуй, наоборот: узнавая привычки друг друга и подстраиваясь под них, мы с любовью строим наши отношения, за что и благодарны себе. Благодарны за каждый новый этап в нашей жизни, за любую лучшую перемену в характере. Порой мне кажется, что я знаю всё о своём Егоре, а иногда ловлю себя на мысли, что передо мной незнакомый человек, которому очень хочется понравиться, показать все свои лучшие стороны. Раньше нередко между нами возникали ссоры, конечно, и сейчас бывает всякое, но конфликты уже не носят такой разрушительный характер. Терпеть не могу конфликты! Худой мир лучше доброй войны – одно из моих жизненных кредо. Мне не стыдно первой пойти на мировую, потому что самой же потом будет лучше, комфортнее и спокойнее. Не скрываю, я – эгоист! И иду

на мировую в первую очередь для себя. Вот такие откровения... Впрочем, и Егор стал намного покладистее и мягче, чем в начале нашей совместной жизни. Бывает, что и ему приходится гасить мои ничем не оправданные импульсы.

Можно было бы еще долго размышлять на тему моей безмятежной любви к мужу, но в дверь еще раз настойчиво постучали. На пороге стоял Егор, выражение его лица было очень недовольным. Чуть подставив щеку для поцелуя, не обращая внимания на мою радость, он перенёс через порог тяжёлую дорожную сумку. «Стучу, стучу, ты ведь знаешь, что я приеду в это время, спишь, что ли? Подожди, Люба! – он недовольно отстранился от меня. – Сумка тяжёлая, мясо в ней потекло, зачем так рано из холодильника вытащила, о чём думала?! Жара такая, оно растаяло бы и так на пароме! Посмотри, наверное, вымазался весь!»

Вот так, только подумаешь о том, как всё прекрасно в жизни, тебя тут же опускают на грешную землю. Правильно говорит моя тётушка: «О муже даже думать хорошо нельзя, чтоб не сглазить!» Сегодня утром я отправилась на паром налегке, прихватив лишь немного своих вещей, Егор же должен был привезти сумку с продуктами (ценник в магазинах острова равдал гораздо меньше, чем его природа). И чтобы мой благоверный ненароком ничего не забыл, я сразу достала мясо из морозилки, всё собрала и поставила ношу у порога. А прошло часа четыре, а то и больше...

– Ну, миленький, думала, ты можешь забыть мясо, – скопировала я гнусавый голос Дениса с пляжа.

– Я, что, похож на придурка? Вот теперь бери и отмывай всё, что кровью уделано.

– Конечно, любимый, ты только не волнуйся, сейчас всё сделаю, – продолжала я копировать гея.

Егор совершенно не разделял моего радужного настроения, пройдя мимо меня с мрачным лицом, он направился в ванную мыть руки, а я пошла на кухню и заглянула в сумку, чтобы оценить масштабы бедствия. Ну, и ничего страшного. Правда, сумку придётся отмачивать и отмывать... Когда минут через тридцать всё было закончено и мы сели за стол, супруг заметно повеселел. Да, вкусная еда (давно замечено!) всем поднимает настроение!

– Ну, не переживай, миленький, зато вечером будет вкусненькое мяско, размораживать его уже не надо, поэтому приготовлю очень быстро и очень вкусно, тебя ждет суперский ужин, – ворковала я, принимаясь за суп.

– Безалаберная ты, – Егор совершенно беззлобно и нежно посмотрел на меня.

Мне так хотелось рассказать ему и о встрече с монахом, и о моём сне на пляже, но что-то удерживало, возможно, легкое разочарование от встречи или что-то другое, не могу сказать. Я лишь поведала историю о Денисе и Жене – «голубых» с парома. Мы немного посмеялись, поболтали о «сладкой парочке» и направились на пляж. Когда проходили мимо монастыря, я уже было открыла рот, чтобы рассказать мужу о сне, не дающем мне покоя, но меня остановила мелодия мобильного телефона.

«Мамочка! Mamочка, привет!» – услышала я голос дочери. – Как отдыхаете? Такая хорошая погода, оставайтесь там подольше». Я прекрасно понимала, что за столь нежным воркованием кроется что-то гораздо большее, чем забота о нашем отдыхе, но угадать, что затеял мой ребёнок, сразу не смогла. У меня неплохие отношения с моей восемнадцатилетней дочерью, но особо умиленно сюсюкать Наташа начинает лишь тогда, когда ей нужно получить моё согласие на что-либо. Вот и этот звонок не был исключением. «Мамулька, можно Яна принесёт к нам свой компьютер, а то она уезжает к родителям на недельку и боится оставлять его, мало ли что?» – продолжала щебетать Наташа. Конечно, я разрешаю. Неужели дочь звонила только ради этого? Ведь ясное дело, моё согласие будет получено. В том, что у нас постоит комп подружки, нет ничего страшного. Минуты через две мобильный телефон затрещал вновь, опять звонила Натуся: «Мамочка, забыла спросить, а можно я поеду вместе с Яной? Ты не будешь против, правда? Ты ведь самая лучшая мама!»

Вот где собака порылась! Первый звонок был просто некой прелюдией, моральной подготовкой! Разозлившись, но и в очередной раз восхитившись психологическими способностями своего ребёнка, я начала неприятную процедуру отказа. Почти всю оставшуюся до пляжа дорогу пыталась увернуться от всех видов психического воздействия, применяемых дочерью, начиная от выслушивания нежнейших дифирамбов до угроз «когда-нибудь уйти из дома». И всё-таки мы договорились, что с Яной она не едет, но зато сможет погостить у подруги пару дней после её возвращения. Дочь достаточно взрослая, но отпустить её вот так в другой город, к незнакомым людям (с родителями Яны я ни разу не встречалась) не решилась, может быть, была и не права, в конце концов, каждый человек сам должен строить свою жизнь. Но пока у тебя есть возможность хоть как-то повлиять на судьбу своего дитя, пусть даже путём запретов, ты её используешь. А ведь это проявление эгоизма. Кому будет лучше, если ребёнок останется дома? Да, конечно, в первую очередь тебе самому. Ты будешь спокоен, оттого что твоё чадушко сидит под присмотром. А ведь каждый человек совершает ошибки, тем самым на них учится жизни, делает выводы. Ведь судьба наших детей не должна быть зеркальным отражением нашей собственной. Да и кто из родителей этого хочет? Почему же мы так часто не доверяем нашим отпрыскам, выставляем тысячу «нельзя»? Пытаемся запретить сделать так, как сами поступили бы на его месте? Всегда, когда задумываюсь об этом, вспоминаю строчки из стихотворения моей мамы о внуках: «Смотрю на них с любовью и тревогой – поменьше б дров им наломать! – И пусть идут своей дорогой, живут, как птенчик учится летать». Наверное, мама права. Но... Немного разозлившись на себя за постоянные сомнения в вопросах воспитания дочери, я решила поделиться своими мыслями с Егором. И напрасно, он только подстегнул меня, в сотый раз отчитывая за то, что я неправильно воспитывала дочь, из-за собственной лени упустила многие моменты, а теперь должна всё исправлять, быть более настойчивой в своих взглядах. Я была совершенно не рада, что затеяла весь этот разговор с Егором. Наташа – дочь от первого мужа, и этот факт дал право Егору снять с себя многие отцовские обязанности, но не лишил его желания проводить назидательные беседы со мной. Наконец-то мы добрались до пляжа, я беспардонно прервала самой же начатую беседу, забежала на испытанную глубину и начала «заплыв». Егор радостно засмеялся, глядя, как я барахтаюсь в воде, тема воспитания на ближайшее время была закрыта и забыта.

Потом был чудесный летний вечер и замечательный ужин с мясом и рюмкой коньяка. Свежий воздух и приятные эмоции сделали своё благое дело – я едва добрела до постели. Обычно ложусь спать гораздо позже, но сегодняшним днем был исключением. «Сны о чём-то большем», – вспомнилась мелодия любимой в юности рок-группы, и тут же возник взгляд в обрамлении густых тёмных ресниц, секунда – и вот я рядом с Оглом. Сидим на поваленном дереве. На коленях Огла лежит листочек с нашими художествами и моими надписями-иероглифами. «Знаешь, что ты сделала?» – спрашивает Огл. – Ты оживила этот рисунок. Теперь это не просто разноцветные спирали и восьмёрки. Он имеет Силу и живёт. Если повесить этот рисунок возле кровати больного человека, то тот поправится, а если его дать заблудившемуся страннику, тот интуитивно найдёт дорогу. Ты смогла притянуть Силу Гроама». Я слушаю Огла, а по моей спине и голове пробегают мурашки, так всегда случается, когда я соприкасаюсь с чем-то неизведанным и загадочным. А Огл восторженно продолжает: «Я давно искал тебя, Аниста, мне говорили сны – посланники Гроама, что я должен найти девушку, у неё рыжие волосы и зелёные глаза, – он посмотрел на меня и улыбнулся, – но я представлял тебя совсем иначе. Когда первый раз увидел, даже не поверил, что ты и есть та девушка». «Почему?» – глупо спросила я, а в груди неприятно кольнуло. Огл весело посмотрел на облака: «Ну-у, я думал, что она загадочная и что Силы Гроама наделили её необычайной внешностью... красотой». Секунду я перевариваю услышанное, потом зло смотрю на собеседника: «Ну, знаете, дядя, если я недостаточно привлекательна для Вас, ищите кого-то более загадочного и красивого, а потом морочьте ей голову своими смешными картинками, всё, прощайте, желаю найти поскорее вашу

рыжеволосую фурию!» Я быстро поднялась, хотела было уйти, но высокая стройная фигура Огла перегородила мне дорогу. «Ну, не обижайся, девочка, я ведь не сказал, что ты некрасивая, ты очень симпатичная, и понравилась мне сразу. Когда первый раз увидел тебя здесь, у ручья, просто подумал, что Гроам должен надеть проводника особой харизмой, а ты проста и совсем не похожа на посвящённую». Это было уже слишком! Зло глядя в глаза хаму, я прошипела: «Никакая я не посвящённая, ты тоже совсем не похож на колдуна и веда, и глазки у тебя маленькие, как у обезьяны! Всё, пока!» Огл засмеялся. Это разозлило меня ещё больше, я обогнула его и зашагала прочь по тропинке. «Стой, Аниста, остановись, ну, подожди, я ведь ничего тебе не рассказал». Огл шёл со мной нога в ногу. «Отстань! Иди рисуй!» – бросила я. Огл остановился. «Ну, подожди, глупая!» – он уже не смеялся, но голос был весёлый. Ох, как злила меня эта весёлость! Я быстро удалялась от своего нового знакомого, как вдруг он прокричал совершенно другим, сильным и громким, голосом: «Креамбу, Аниста, Креамбу!» И я остановилась. Это незнакомое слово заставило меня замереть на месте и повернуться к Оглу. Я была точно уверена, что знала смысл сказанного, хотя никогда не слышала ничего подобного и представить не могла, что это за язык. Сейчас мой новый знакомый просил прощения. И это было не просто «прости», а его наивысшая форма. Огл быстро подбежал ко мне. «Прости, – сказал он, низко склонив голову, – я не должен был шутить с тобой, прости, проводник». И тут из моих уст вырвалось: «Крибе», что означало «прощён, не злюсь». Я даже не успела удивиться тому, что со мной произошло, что за слова вырываются из моих уст, как тут же произнесла: «Геранде кюа» – «Я хочу вспомнить». Огл не поднимал головы. «Ты владеешь языком Гроама», – констатировал он. Затем протянул ко мне свои руки ладонями вверх, я поразились красоте его длинных нервных пальцев. Не задумываясь, положила сверху свои ладони, вмиг почувствовав тепло, как в жаркий день от солнца. «Прекару ной де труга терпио верим так ортуб пберуто гроам гридо брокутал кирмилоза кеу, кеу», – читал Огл. Я поняла, что знаю эту мантру, но не осознавала весь её смысл. Вначале попыталась расшифровать произносимые Оглом фразы, потом, отбросив все попытки, отдалась воле охвативших меня ощущений. Вокруг кружили какие-то немислимые вихри, привычный пейзаж исчез, растворился, уступив место красочным завиткам и спиральям. Я лишь чувствовала жар, исходивший от рук Огла, чувствовала необычайно сильный запах озона. Меня закружило в ярких фиолетовых всполохах... Вдруг что-то мягкое прикоснулось к носу, это прикосновение совсем не вязалось с испытываемыми ощущениями, потом оно повторилось, и надо мной возникло лицо нежно улыбающегося Огла. Через мгновение глаза из стальных превратились в светло-карие, длинные русые пряди сменила короткая стрижка тёмных с сединой волос. Я поняла, что проснулась. За окном светало. Муж нежно смотрел на меня, ещё раз целуя в нос. «Девочка моя, любимая», – прошептал он, и я потянулась к нему за поцелуем.

Глава 4

Сегодня мы с Егором решили исследовать остров – пройти пешком и найти пути к другим бухтам, подальше от дома. Конечно, это можно было сделать и сидя в автобусе или взяв такси, но автобусы здесь ходят не так уж часто, а такси дорого. Транспорт на острове – очень выгодный бизнес среди аборигенов, разумеется, лишь в сезон, когда отдыхающий люд готов отдать полцарства за коня, лишь бы добраться до места назначения. Оно и понятно. Человек, настроившийся хорошо отдохнуть, щедр. Ради наслаждения недельным отпуском где-нибудь на лоне природы он готов вкалывать весь год, забывая про выходные и праздники. Ограничивает себя во вкусной еде, жалеет деньги на понравившиеся наряды, чтобы потом радостно переплатить весёлому разговорчивому таксисту кругленькую сумму или купить в магазине на острове банку тушёнки сомнительного срока годности за двойную, а то и тройную цену. А когда мы приезжаем за границу? Там нас тоже обдирают как липку, везя огромной шумной толпой в дребезжащем автобусе к какому-нибудь монастырю Будды, монахи которого не особо чтут свои традиции. А затем предлагают завязать ленточку на счастье или прицепить замочек. И мы с радостью отдаём за эти развлечения приличную сумму. Я, совершенно не задумываясь, разбрасываю кровно заработанные лаве направо и налево, когда нахожусь в законном отпуске, да ещё и в долгожданном путешествии. Но сейчас на острове мы не стали пользоваться услугами таксистов вовсе не из соображения экономии, а лишь потому, что очень хотелось сполна насладиться красотой природы, надышаться морским бодрящим воздухом.

Странное дело, хождение по расположенному на сопках красивому городу не вызывает у меня радостного азарта и восторга, здесь же поход длиною в час пролетел как одно мгновение. Причем ни жаркий зной, ни достаточное количество подъёмов не лишили нас кайфа. Иногда дорога сужалась, но всё-таки на маленьком грузовике по ней можно было проехать. Пару раз машины пронесли мимо нас, обдавая клубами жёлтой пыли, тогда я поворачивалась к Егору и утыкалась носом ему в грудь, при этом слышала, как спокойно стучит его сердце, наслаждалась силой и нежностью, исходящей от него. Примерно через час неспешного пути мы вышли к большой и обжитой бухте. Да, здесь хороший хозяин! По берегу расставлены палатки со столиками внутри, пестрели надписи о сдаче их в аренду. Два больших контейнера, стоявшие основаниями перпендикулярно друг к другу, оповещали, что это морской ресторанчик. Здесь же – деревянный навес, приютивший длинный стол со скамейками по обеим сторонам. Все эти постройки располагались над небольшим песчаным пляжем, сотворённым не без помощи человеческих рук. Песок здесь явно взрыхлялся, территория была чисто убрана. Прибрежная зона каменисто-ракушечная, ясно, в здешних водах должны обитать деликатесы – мидия и даже гребешок. Пройдя чуть дальше по пляжу, мы убедились в своих догадках: то здесь, то там стали попадаться пустые раковины этого вкуснейшего моллюска. К ресторанчику же время от времени подходили катера или скутера с желающими полакомиться морской вкуснятиной. Вид бухты со стороны пляжа представлял изумительное зрелище. Такого близкого соседства леса и моря мне еще не приходилось встречать. Высоченные вековые деревья местами спускались к самой воде, водная гладь была тиха и спокойна, тени деревьев опускались прямо на неё. Море здесь имело необычный свинцовый цвет. Морской заливчик очень напоминал сказочное озеро. Того и гляди, выйдет к нему медведь, в которого леший превратил заносчивого красавца парня, или выбежит беленький козлёночек из русской сказки про сестрицу Алёнушку и непослушного братца Иванушку. И лишь только горки выброшенной на берег морской травы да разбросанные в разных местах большие раковинки морского гребешка напоминают тебе о том, где ты находишься.

Побродив по пляжу и немного искупнувшись (как же я без своего коронного заплыва на длинную дистанцию и «огромную» глубину!), мы решили отведать блюдо из маленького,

но манящего своим названием заведения. Увидев ценник, я несколько растерялась. Небольшой ассортимент блюд в кафе возле моря прямо-таки сшибал с ног размерами своей стоимости. Правда, на уверенных и весёлых лицах посетителей, прибывших сюда на катерах, я не заметила какого-либо недовольства. «Ну, что ж, – решили мы с мужем, – гулять так гулять!» И поэтому легко отвалили за полкило меленьких чилимов и четыре пяточка гребешков сумму стоимостью поездки на такси в соседний город. К этому меню было добавлено еще 250 граммов так называемого «домашнего» коньячка. Коньяк обладал вкусом хорошей самогонки, настоящей на морепродуктах, а действие на организм производил волшебное! После двух рюмочек в тебя словно вливалась энергия моря, спокойствие, радость и сила поселялись в твоём теле.

«О-ла-ла, ла-ла-ла!» – послышался совсем рядом красивый мужской голос, а вскоре показался и сам его обладатель. Мужчина лет пятидесяти, с виду бывалый сердцеед и балагур, был очень колоритен! Так, наверное, выглядят зарубежные кинозвёзды на отдыхе. Модная стрижка по плечи, мелированные волосы, искрящиеся ярко-голубые глаза. Рубашка-безрукавка в клеточку с расстёгнутым воротом идеально сидела на поджарой невысокой фигуре. Открытая улыбка красноречиво возвещала о том, что на свете существуют не просто хорошие, а очень хорошие стоматологи. Всё левое предплечье украшала витиеватая татуировка. На шее – профессиональная фотокамера. «Смотри, какой красавчик! Звезда на отдыхе», – шепнула я мужу. Вскоре стало понятно, что импозантный красавец и есть хозяин замечательного, но уж больно дорогого заведения. А ещё через какое-то время – при более длительном и придиричивом рассмотрении – поняла, что мужчине гораздо больше пятидесяти. Я не стала строить предположений о возрасте Кирилла Валентиновича – имя мужчины нам тоже скоро стало известно – мне было очень интересно просто наблюдать за ним. Он знал многих из посетителей, здоровался, шутил, кидал остроуты. «А ты заметила снимки у входа в ресторан?» – спросил Егор. – «Ведь это его снимки, посмотри на его камеру». Да, у входа в ресторан, как выразился мой муж, под навесом, висели снимки природы острова. Прекрасно выполненные, они передавали всю красоту и необычайность этого места. На некоторых из снимков был запечатлен сам Кирилл Валентинович.

Тем временем, сверкая улыбкой, излучая искры из своих изумительных голубых глаз, Кирилл Валентинович с видом гостеприимного хозяина расхаживал между отдыхающими. Одним он рассказывал о новых фотографиях, другим – об огромном количестве грибов, собранных и засоленных сегодня же, третьим поведал о том, что зимой ездит на катки в Нагано, потому что японские катки, а также лыжные трассы самые лучшие, по его мнению. Не обделил радушный хозяин и нас своим вниманием, словно ему были интересны все новые люди, посетившие его ресторан. Подсев к нам поближе, он как бы невзначай начал рассказывать о знаменитостях, побывавших в его гостеприимных владениях.

Не знаю, что больше мне понравилось, еда ли прибрежного заведения, которая, надо признать, была очень вкусной, или его лучистый хозяин, – то и другое оставило неизгладимое впечатление

– Мы сейчас видели абсолютно счастливого человека, – сказала я, когда мы, сытые и умиротворённые, возвращались домой по жёлтой от высохшей глины дороге острова.

– Почему ты так думаешь? – спросил Егор

– Кирилл Валентинович живёт так, как ему хочется, и делает то, что ему нравится. У него прекрасное место на острове, которое процветает, он занимается фотосъёмкой, неплохо поёт. Видел акустическую гитару в углу ресторанчика? Наверняка он сам на ней и играет. У него есть лес, море, любимые занятия, увлечения, есть деньги, в конце концов! Он дарит людям радость, а то, что эта радость недешёвая, так, извиняйте, вас силой кушать гребешок не заставляют. Это ваш выбор, не нравится – не ешьте. Совершенно не жалею, что потратила сегодня кругленькую сумму. Зато побывала в замечательном сказочном месте, отведала свежих морских

деликатесов, посмотрела на Кирилла Валентиновича и, знаешь, как будто жизненной энергии получила, оптимизма зачерпнула, светом, что ли, заразилась от Кирилла Валентиновича.

– Ещё бы и богатством его заразилась! – сказал Егор. Посмотрев друг другу в глаза, мы весело рассмеялись.

Не помню, что мне приснилось этой ночью, но про Огла ни разу не вспомнилось, и имя Аниста, терзавшее моё сознание во сне и наяву, сегодня было забыто.

Глава 5

Пару дней я провела в городе. Там, в жарком и пыльном муравейнике, закружилась в череде домашних дел и забот, связанных с работой, эти проблемы полностью поглотили меня, и мои мысли почти совсем не возвращались к странным снам. Иногда я вспоминала высокого монаха, встречу с ним, но лишь так, мимолётом, как вспоминаем порой об интересной недочитанной книге, которую очень хотелось бы открыть и почитать, но времени совсем не хватает.

Но лишь только сумела вырваться из городской суеты и опять ступить на остров, как мысли о загадочных снах нахлынули на меня снова. Я была рада их возвращению! Даже решила пораньше лечь спать, но что мне приснилось в ту ночь, не припомню. Весь следующий день, бродя по тропкам острова, валяясь на пляже, я беспрестанно думала об Огле, скупчала. Мысли мои принимали самые непостижимые обороты. Мне вдруг вспомнилось, что уже чувствовала рядом его присутствие, но он был в другом образе. Я закрывала глаза и пыталась подольше задержаться в обволакивающем чувстве внутреннего тепла и ожидания чего-то необычного. Вечером меня охватило странное желание написать что-нибудь, сочинить. Взяла листок бумаги, и... чуть ли не на одном дыхании родились строки:

*Здравствуй, мой неузнанный гений, сероглазый король!
Сколько своих вдохновений я связала с тобой!
С детских радостных лет образ твой берегу
И в последний день жизни своей забыть не смогу.
Ты откройся, скажи, из какой ты явился дали?
Какое из важных событий у нас с тобой позади?
Из какой прошлой жизни, Измеренья какого
Ты являешься мне, не даёшь мне покоя?
Имя твоё мне совсем незнакомо и не помню я фраз,
Что ты говоришь, приходя всякий раз,
Но я знаю, пока сердце стучит в груди,
Много важных встреч и открытий у нас впереди.
Мой ангел любимый – так тебя назову —
Приходи ко мне в снах, приходи наяву
Тонкой нитью на солнце, паутинкой в лесу —
Испугать не пытайся: я узнаю тебя!
Вот ты мальчишка с книжкой в руке,
А вот князь с бородой на лихом скакуне —
Мне с детства знаком твой образ любой,
Ты волнуешь меня этой странной игрой!
Ты являлся мне Клёном, стройным, зелёным,
Тенью, внезапно мелькнувшей, влюблённым...
Ну, так здравствуй, мой сон, приносящий свободу,
«Здравствуй», – шепни и к тебе укажи мне дорогу...*

Перечитав свое «детище», хотела было свернуть листочек и выбросить, но передумала, в конце концов, это первый мой стих, не стоит с ним так жестоко поступать. Отложив своё произведение, я присела к телевизору, показывали любимый сериал моей мамы – «Свадебный пирог». Шёл он, пожалуй, третий год, меня совершенно не заинтересовал, однако, особо не вникая в сюжет, я всё же поразила фантазии авторов, столько лет находящихся основу для дальнейшего повествования, при этом творящими с героями и их судьбами Бог

знает что. Постепенно картинка фильма поплыла перед моими глазами, я не стала сопротивляться нахлынувшей на меня дремоты и прикрыла глаза...

– Аниста, проснись, Аниста! – Огл сидел рядом и недовольно глядел на меня. – Ты где витаешь? Ты хоть слышишь, что я тебе говорю?

– Я не могу переработать сразу такую массу новой информации, спать хочу!

– Аниста! Я и представить не мог, что проводник может быть таким ленивым! И таким...

– Таким? – я чувствовала, как начинаю злиться.

– Таким рассеянным! Гроам, видать, не обделён чувством юмора, раз выбрал тебя.

– Всё! Надоело! – я резко поднялась. – Мне надоело слушать твои сказки! Гроам, Гроам! Я ничего не знаю! Ничего не понимаю! И ничего не чувствую! Всё, что мы делаем, полная чушь! Я ухожу! Я устала! Хочу есть!

– Ну, это хорошо, что ты сомневаешься, так и должно быть, а для того чтобы почувствовать свою Силу, надо работать. – Огл говорил спокойно и даже ласково, но по его глазам я видела, насколько тяжело ему это даётся. Не знаю, что нашло на меня, но очень захотелось до конца разрушить, разбить остатки его спокойствия, будто что-то яростное вселилось в меня и полностью покорило разум.

– Ну и что! Сам работай! Ты достал меня! Кому это надо? Придумал сказку для себя, вот и живи с ней, а меня не тронь! Я с ума могу сойти! Кому потом нужна буду?! Ерунда, ерунда, ерунда всё! Думаешь, у меня больше дел нет?! До свидания, я ухожу! – запальчиво выкрикнула я и быстро направилась по тропинке к посёлку. Огл остался сидеть на своём месте. Тот факт, что он не ринулся за мною вслед, разозлил меня ещё больше, но я не стала оглядываться и ускорила шаг.

Прошло две недели после нашей первой встречи, когда я впервые почувствовала близость Энергий Гроама, ощутила себя частью красочного вихря. В тот день мой новый знакомый рассказал мне о существовании мощнейшей Силы нашего мира, имеющей различные названия у параллельных существ. Огл поведал о том, что в нашем мире эта Сила зовётся Гроам, он диктует порядок жизни и существования, удерживая и оберегая Гармонию. Сам же Огл принадлежит к уровню посвящённых, то есть тех, кого Силы Гроама наделили Знаниями и кого допускают в свои тонкие сферы. Посвящённые маги, в свою очередь, наделены различными умениями. Огл – извещающий, он видит и знает вихри Энергий, но не всегда понимает их смысл и не может порой воспользоваться их мощью. Зато Гроам наделил извещающих магов способностью читать судьбы, но при этом запретил им рассказывать людям о их будущем. Преступлением против Гроама считается любое действие посвящённого, способное нарушить Гармонию. Отступник – это тот, кто попытается нарушить Законы Гроама, и он непременно будет наказан. В лучшем случае, перестанет чувствовать Силу и станет обычным человеком. Одни, с кем произошло подобное, продолжали жить смиренно, спокойно. Другие же либо впадали в беспробудное пьянство, либо сходили с ума, погружаясь в мир собственных иллюзий, им казалось, что они, как и раньше, чувствуют Силу Гроама, но это была фантазия, созданная ими для самоутверждения. Окружающие же считали их либо блаженными, либо колдунами. Была ещё одна категория отступников – самая опасная. Это те, кто после отвержения возненавидел Гроама и по-прежнему пытался нарушить равновесие его Сил. Пожалуй, их тоже можно было отнести к умалишённым, ибо они сами не понимали, чем может обернуться для них война с Энергиями Гармонии. Стараясь укрепиться в своём величии, бывшие маги пытались перейти на сторону Сил Хаоса, прорываясь сквозь поверхности параллелей. Иногда случалось, что бывшему магу удавалось совершать переход в одну из противоположностей, разумеется, в самую ближайшую. Но долго жить в параллели отступник не мог. Гроам уничтожал его, превращая, например, на миллионы лет в камень. Но подобная участь совершенно не пугала бывшего посвящённого, ставшего на путь отступника: настолько велика была его ненависть к Силам Света.

Я слушала эти рассказы Огла, и мне становилось немного не по себе. Когда я высказала ему свои страхи, он успокоил меня, сказав, что извещающих отступников на самом деле не так уж много. Огл ни разу не встречал никого из них. «Как же так? – удивилась я. – Как Гроам позволяет проникать в свои ряды подобным индивидуумам?» Огл усмехнулся: «Часто мы меняемся, сами того не замечая. В посвящённые выбираются лишь те, кто верит в просветление, а потом кто-то из них не выдерживает испытания Силой. Да, когда ты понимаешь, что знаешь больше другого обывателя, что посвящён в тайны параллелей и переходов, ты начинаешь чувствовать власть над теми, кто не обладает подобными Знаниями, начинаешь ощущать себя выше обычных людей, думаешь, что можешь влиять на судьбы тех, в чьи сердца заглянул»... Мы помолчали, затем Огл продолжил: «Извещающие самые первые из всех посвящённых начинают осезать вихри, могут их увидеть и показать другим, но Гроам предусмотрительно закрыл от нас значение многих Символов. Почему он это сделал? Да чтобы напоминать о том, что мы всего лишь люди, и чтобы уберечь от соблазнов».

Мне было очень интересно слушать Огла. У меня мурашки бежали по спине и голове. Я глупо улыбалась и смотрела на Огла. Было очень любопытно, но гордость, что ли, не позволяла показать собеседнику, насколько я потрясена услышанным. Равнодушно глядя на Огла, пыталась всем видом показать, что к его рассказам отношусь, как к чудесной сказке, не более того, и что лапшу на уши мне не так-то просто навешать. Но, увидев обращённый на меня серьёзный взгляд глаз в обрамлении густых серых ресниц, вмиг стряхнула с себя напускное равнодушие. Забыв о приличии, пристально посмотрела в глаза мужчине, рискуя выдать чувства, зарождающиеся во мне. Такие глаза я видела впервые в жизни! Зачарованно наблюдала, как стал меняться их цвет: вначале серые, потом они темнели, темнели, пока не стали стальными. И тут я почувствовала, как холодная волна пробила меня от макушки и понеслась ледяным потоком вниз по позвоночнику, а навстречу ей, от живота вверх, к темени, ринулся горячий поток. И вот я уже с головы до ног омываюсь двумя потоками, стремящимися навстречу друг другу. Один устремляется вверх, он обжигающий, как пламя, другой бурной рекой уплывает вниз, он холодный, словно лёд. Огл отвернулся, и я смогла прийти в себя, лишь струйки искрящегося тепла продолжали согревать тело. Хотела было рассказать собеседнику об испытанных ощущениях и спросить, не имеет ли он к ним отношения, как тот заговорил вновь, и я не успела произнести ни звука: «Есть ещё одна категория магов Гроама – проводники. Ты, Аниста, – проводник, то есть посвящённый, который способен наделять вихри, рождаемые извещающим, Силой, а также помочь этим вихрям пройти в то место, куда он их направляет. Ты знаешь Символы Гроама, и ты оживила с их помощью мои рисунки. Ты тоже можешь путешествовать через параллели». Заметив мой удивлённый взгляд, Огл усмехнулся: «Разумеется, для этого надо обладать определённой Техникой и Знаниями, а их-то у тебя пока нет. Если в руках извещающего поток Света, притянутый от Гроама, и имеет какую-либо Силу, то наделённый Знаниями проводника этот поток приобретает не только более сильную мощь, но и начинает приобретать определённую направленность, всё зависит от того, что за намерение в него вложено. Таким потоком можно даже восстановить равновесие противоположностей, нарушенное тёмным извещающим. А ещё этим потоком можно вылечить болезнь. Для этого его можно поместить в рисунок или воздействовать им на больного непосредственно. Большой удачей считается, если извещающий и его проводник встретятся. Гроам – Вселенная! Он ведёт нас к Энергиям Света, а встреча извещающего и его проводника – это награда, огромная удача для обоих. Существуют Миры более развитые, чем тот, в котором мы живём. Пребывающие там посвящённые (может, там они зовутся по-другому) наделены ещё более сильной связью с Гроамом. Мы можем встретиться с ними либо во сне, либо при помощи медитации, либо связаться через рисунок, например, такой, как мы нарисовали. Существуют параллельные Измерения, увидеть которые мы не сможем никогда. Хотя однажды мне рассказали о существовании Порталов, с помощью которых некоторые посвящённые маги могут путешествовать

по параллельным Мирам. Но насколько эта информация правдива, мне неизвестно. Однажды, когда я был еще мальчиком, мне приснился сон: рыжеволосая девушка бежала по лесу, подол её юбки был мокрым, словно она только что перешла вброд какой-то ручей. Почему-то я чувствовал сильную тревогу. Девушка остановилась и повернулась ко мне, но пряди рыжих волос, развеянные ветром, закрыли её лицо, не успев его разглядеть, я проснулся. Сон врезался мне в душу. В детстве очень часто вспоминал его, фантазируя по поводу внешности незнакомки. Позже, уже юношей, опять увидел девушку во сне. Он был иным. В этом сне я шёл по дороге, разделяющей пополам поле, усыпанное яркими жёлтыми цветами. И вдруг услышал окрик: «Огл! Огл!» Обернувшись, не увидел никого, поэтому продолжил путь, как вдруг опять раздался девичий крик: «Я иду к тебе Огл! Я иду к тебе!» Я оглянулся и увидел её. Рыжеволосая девушка из моего детского сна стояла на поляне, её белое платье развевал ветер, к лицу она прижимала огромный букет из жёлтых цветов. Я опять проснулся, так и не увидев её лица. Юношеские фантазии по поводу того, как выглядела девушка, не оставляли меня. «Видимо, ты представлял себе красотку... из тех, что нарисованы на базарных лубках», – не удержалась я от иронии. «Ну, не без этого, – хмыкнул Огл, а затем продолжил: – В то время я уже догадывался, что наделён каким-то особенным даром, у меня проявлялись определённые магические умения, но использовал я их так, что сейчас и вспомнить стыдно. Например, подсовывал продавцу сладостей фантики от конфет вместо денег, частенько за копейки приобретал кучу разного товара, порой обманывал школьных педагогов: постояв минуту у доски, говорил им, что всё ответил, и мне ставили высокую оценку. Это было глупо! Сейчас даже вспоминать стыдно. Уже будучи посвящённым, я мысленно просил прощения у Гроама за многие свои поступки. Воровство и ложь мешают развитию общества, не пускают человека двигаться вперёд, потому что, беря чужое, мы только думаем, что делаем это бесплатно, а на самом деле это не так. Мир Гроама, так же, как и другие Миры, не терпит дисгармонии. Мы можем получить счета в самый неожиданный момент, а уж какими они будут, зависит от того, насколько мы «задолжали». Что касается лжи, то здесь намного сложнее. Скажу тебе, Аниста, одно: обмануть себя невозможно, возможно лишь удивить! Но

вернусь всё же к рассказам о проводнике. Ещё в нежном возрасте я встретил Учителя. Этот человек много сделал для меня, он не только научил видеть вихри Энергии и манипулировать ими, но и сказал, что я избран Гроамом. Наставник также поведал, что где-то по Свету ходит мой проводник, и, если я его найду, это будет большой удачей для нас обоих. Мы вдвоём сможем увидеть и распознать такие великие тайны Вселенной, которые узнать поодиночке нам не под силу. Учитель загадочно намекнул на то, что я уже видел своего проводника и что мне ещё будут его показывать. В ту ночь я вновь увидел сон – рыжеволосая девушка быстро удалялась по лесной тропинке, на ней был синий плащ, пряди волос развевало ветром, кто-то шепнул её имя, я повторил его, позвал незнакомку – она не оглянулась, я настойчиво продолжал окликать её, но девушка продолжала быстро удаляться. Тогда мне пришлось прибегнуть к языку Гроама, попросил у неё прощения. Девушка остановилась, и тут же я проснулся».

Потом Огл рассказал о том, как с тех пор он начал путешествовать в поисках проводника, пару раз ему даже показалось, что он встретил её (то, что его проводник – девушка, Огл даже не сомневался). Одна из претенденток обладала великолепной статью, в её глазах искрился огонь, способный свести с ума любого мужчину. Красивые руки другой заорожили Огла, он подумал, что именно через такие длинные пальцы может струиться Энергия Гармонии. Но, как оказалось, ни одна из девушек не обладала Знаниями Гроама, более того, каждая из них спешила расстаться с Оглом, осмеивая его «чужаковатость и дурость», так высказалась одна из избранниц.

– А что, в твоих снах я была выше ростом? Как видишь, я не очень тонкая и вовсе не высокая...

– Ну... ты понимаешь... – Огл мечтательно потянулся, – сон – такая штука... Я ведь не видел твоего лица, поэтому всё остальное домысливал, – косо взглянув на меня и увидев мой недовольный взгляд, Огл выпрямился, подарил мне пронзительный серо-свинцовый взгляд и тут же произнёс: – Нет, ты очень симпатичная, и у тебя изумительные глаза.

Я уже говорила, что после нашей первой встречи прошло две недели. За это время мы встретились всего два раза, да и встречи эти были недолги. Работа отнимала у меня много времени, я воспитательница в детском саду, моя напарница заболела, и мне приходилось работать без выходных. Каждый день я думала об Огле, о том, что он мне рассказал. Мы вместе нарисовали пару картинок, конечно, рисовал в основном Огл, я лишь украшала их несколькими штрихами и добавляла Символы Гроама, сама не понимая, как они рождались. Огл выглядел очень счастливым, аккуратно складывал рисунки в папку и говорил, что теперь это настоящие источники Равновесия. Сегодня у меня был выходной. Мой новый приятель очень обрадовался тому, что мы сможем провести вместе много времени. Так приятно было видеть, что он, как и я, рад нашей встрече. «Ты влюбилась?» – как-то спросила меня подружка. Я лишь засмеялась и сказала ей, что она сумасшедшая, если думает, что в нашем посёлке можно в кого-то влюбиться. Что испытываю к Оглу – не могу пока понять, объяснить даже самой себе. Чувства к нему не были просто увлечённостью, влюблённостью, хотя и вспоминала часто его глаза в обрамлении пушистых ресниц, – какое-то незнакомое чувство поселилось в моём сердце. Смешно, но нечто подобное я испытывала к любимым персонажам сказок (в детстве я зачитывалась сказками!). Ты любишь героя, мечтаешь о нём, он живёт в твоих детских фаназиях...

И вот долгожданная встреча. Я с радостью пытаюсь уловить пронзительный взгляд Огла, но приятель сегодня строг и спокоен.

– Сегодня я наконец-то расскажу тебе немного о том, что такое Энергия Гроама, – произнёс он тоном старого учителя-зануды.

Само вступление и его тон уже как-то не понравились мне. Не так я представляла наше свидание. Стараясь скрыть своё разочарование, с энтузиазмом уселась на поваленное дерево.

– Говори, я готова вникнуть и почувствовать...

– Основные цвета Гроама – это синий, зелёный, красный и фиолетовый, существуют ещё различные полутона...

Я повернулась к Оглу и посмотрела на него. Тот, слегка запрокинув голову, продолжал на одной и той же скучной ноте:

– В зелёных вихрях больше всего Энергий, направленных на излечение...

При этом кончик его удлинённого, чуть с горбинкой носа смешно шевелился. Задержав взгляд на этом движении, я улыбнулась. Огл не обращал никакого внимания на мою улыбку, казалось, он вообще не замечал меня, продолжал нудно говорить:

– С красным цветом нужно быть осторожнее, он может как спасти, так и разрушить...

Вскоре стало понятно, что мне предстоит слушать длинную скучную лекцию. Не думала, что у Огла может быть такой неприятный голос. Но я взяла себя в руки и попыталась сосредоточиться на том, о чём он бубнил, но быстро поняла, что мой мозг совершенно не воспринимает его информацию... Лучше бы рисовали! Лёгкое прикосновение его красивых пальцев, нежные взгляды его стальных глаз во время нашего совместного творчества нравились мне гораздо больше...

А потом произошла ссора. И вот сейчас я шла, почти бежала по лесной тропинке к посёлку, а Огл остался на месте, продолжал восседать на сломленном дереве, не побежал за мной. Со злостью я вспомнила рассказы о бывших рыжеволосых приятельницах моего нового друга, о том, как он был разочарован внешностью своего проводника... Не заметив корня дерева, торчащего из-под земли, я ногой зацепилась за него, грохнулась со всего маху, больно ударившись коленями, и разревелась навзрыд от боли и злости.

* * *

Неожиданно проснувшись, с удивлением осознала, что спала. Шея затекла от лежания в неудобной позе, телевизор был включён, за окном вечерело. По щекам текли слёзы, я горько всхлипывала, а ещё сильно ныли колени... Не без труда вернула себя в реальность. «Говорят же, что спать на закате очень вредно», – сказала я вслух сама себе и отправилась на кухню выпить чайку, чтобы окончательно проснуться.

Глава 6

Очень странное чувство овладело мною после сна, словно я действительно только что бежала по узкой лесной тропинке, и даже колени тупо побаливали, как бывает после удара или падения. Обида, разочарование волнами накатывали на меня. Медленно расхаживая по комнате, попивая горячий сладкий чай, размышляла о сне, пока мысли не прервал телефонный звонок. Звонил Егор, чтобы сказать, что у него не получается приехать сегодня, он сможет выбраться лишь после полудня завтрашнего дня. Переговорив с мужем, я разрыдалась в голос от обиды, что было верхом глупости, так как ничего ужасного в данном обстоятельстве не было. Но слёзы противными мокрыми ручьями текли по щекам, а воспалённое сознание услужливо подбрасывало картинки для «продолжения удовольствия». И вот я уже плачу, вовсе не оттого что придётся провести ночь в одиночестве, теперь причина слёз – разговор с начальством двухнедельной давности. А через минуту вспомнила, как грубо разговаривала на днях со мной моя дочь. Ещё мгновение – и я уже девочка-подросток, рыдающая от обиды, нанесённой моим ровесником. Последнее воспоминание хоть и было самым душещипательным, но оно быстро отрезвило меня. «Да, теперь стоит вспомнить, как в младенчестве меня лишили порции грудного молока, и поплакать над этим», – подумав так, я сразу же успокоилась, даже немного развеселилась.

Удивительно, но тот факт, что я спала на закате, не лишил желания улечься в постель пораньше, а пролитые горькими ручьями слёзы подействовали лучше любого снотворного. Засыпая, успела подумать, что неплохо бы выпить успокоительного... И в тот же миг оказалась на лесной тропинке рядом с вывернутым корнем дерева, сидела и тёрла ушибленные колени.

– Очень больно? – Огл стоял рядом со мной. – Можно я посмотрю?

– Что на них смотреть, – огрызнулась я, – всё из-за тебя.

Присев на корточки, Огл накрыл ладонями мои колени, я хотела было сбросить его руки, но в ту же секунду почувствовала сильное тепло, исходящее от них, минута – и боли как не бывало.

– Нельзя идти на поводу у своих эмоций, – назидательно сказал Огл.

– А я очень эмоциональна, если Вы успели заметить, и считаю, что эмоции лучше не сдерживать, потому что от постоянного сдерживания эмоций человек становится злым и больным.

Огл усмехнулся:

– Человек, идущий на поводу у своих эмоций, жалок, смешон и порой становится злым и больным от последствий этих вспышек, надо учиться управлять чувствами, а не позволять им властвовать над тобой.

– И что тогда? Чувственный и темпераментный человек потеряет свою индивидуальность и превратится в механическую куклу?!

– Знаешь, Аниста, есть такие качества характера, которые не грех и потерять. И вообще, почему ты решила, что спокойный, уравновешенный человек, лишён чувственности и темперамента? – Огл посмотрел мне прямо в глаза, я с большим удивлением обнаружила, что сейчас они не только серые, а ещё и с отливом яркой синевы. Он отвёл взгляд, быстро поднялся и подал мне руку.

– Вставай, пойдём!

– А если я вот такая, нервная, импульсивная, – продолжала я разговор, семеня за Оглом, – что тогда мне делать?

– Работать, расти, – бросил мой собеседник через плечо.

– А я не хочу меняться! Хочу быть такой, какая есть! – с вызовом крикнула я.

– Плохо, – коротко кинул Огл. Потом он остановился, прямо посмотрел на меня и сказал: – Знаешь, Аниста, когда ты поймёшь, что стала выше и мудрее, когда ты сможешь управ-

лять своими эмоциями, научишься быть сильнее их, тогда поймёшь, насколько ты свободна и сильна. Ты сможешь управлять событиями, происходящими в твоей жизни. А уж твои чувственность и темперамент никуда не денутся, поверь, а лишь приобретут ещё более яркие краски.

Я молча слушала Огла, постепенно до меня стал доходить смысл сказанного. Тем временем Огл собрал свою сумку, положил в неё краски, которые сегодня нам не понадобились, и сказал:

– А у меня сегодня будут гости.

– Кто? – удивилась я.

– Ты, – Огл улыбнулся одними губами, – и ещё кое-кто. Я сегодня познакомлю тебя с близким мне человеком.

– Сгораю от любопытства...

– Это мой Учитель... Человек, который помог мне, когда я больше всего нуждался в помощи, он обучил меня практически всему, что сейчас я знаю и умею, он предсказал мою встречу с тобой. И я так хочу познакомить его со своим проводником, со своей Анистой!

От последней фразы сердце моё сжалось, а потом ласточкой затрепыхалось в груди, щёки загорелись жаром, а по телу разлилась приятная слабость. Но Огл не заметил перемены, произошедшей во мне. Мы шли по тропинке, ведущей к посёлку, Огл напевал модную дурацкую песенку. Надо заметить, что слухом Гроам его явно не наделил, поэтому песенка из его уст звучала совершенно глупо

– Сейчас посмотришь, как я живу, – весело сказал Огл. – Ты сможешь приготовить праздничный обед?

Вот так номер! Меня пригласили в гости, и я же ещё должна готовить праздничный обед!

– А что за праздник? – спросила я вслух.

– Ну как? Сказал же, что у меня гости.

– А причём здесь я?

– ???

– Гости твои, почему же я должна готовить праздничный обед?

– Ну, извини, – мой спутник слегка смутился, – может, что-то не так сказал. И потом, ты будешь лишь помогать, основную часть приготовления возьму на себя я. Хотя, по правде говоря, очень слаб в кулинарии, если бы я сделал обед сам, то двум моим дорогим гостям было бы не очень вкусно.

Слова «дорогие гости» подействовали на меня как ласковый взгляд. Капризность, заглянувшая было ко мне в сердце, тотчас улетучилась.

– А ещё ты не умеешь петь.

Огла совершенно не смутила произнесённая мной фраза, он запел дурацкую песенку громко, во весь голос. Мы оба рассмеялись.

– У тебя есть мука? Яйцо? Сахар? – деловито осведомилась я.

– Да, я закупил кучу продуктов. Есть и фрукты, и мясо!

– Тогда приготовим шарлотку.

– Звучит заманчиво...

– А как это вкусно! Я чемпион по приготовлению шарлоток!

Через несколько минут мы добрались до небольшого домика на окраине посёлка. В нём давно никто не жил. По слухам, хозяин уехал в Страну перекрёстков на заработки, и больше о нём никто ничего не слышал.

– Как ты решил здесь поселиться?

– Познакомился с хозяином на ярмарке, где я продавал картины, он купил пару штук. Мы разговорились, мужичок сказал, что у него есть небольшой домик на окраине соседнего села, он иногда сдаёт его работникам, приезжающим на сезонные заработки, сейчас дом пустует.

Также он с восхищением рассказывал о природе данного места, о сказочных полянах и о ручье, способном в непогоду превратиться в речку. Покупатель картин заметил, что если бы он был художником, то непременно бы написал эти места. Я заинтересовался, и он предложил мне снять домик за символическую плату, посмотреть самому на местные красоты.

– Значит, с хозяином всё в порядке! Это здорово! А то знаешь, слухи ходили всякие. Странно, но я никогда не видела в домике сезонных рабочих. Хотя, может быть, и пропустила что-то. А что, хозяин домика догадался о лечебных свойствах твоих картин? Думаю, не каждый бы понял, что на них изображено... Нет, нет, они интересны, но весьма своеобразны...

Мы подошли к небольшому домику, где жил Огл. Как только я пересекла порог, то буквально замерла на месте. Стены небольшой комнаты были увешаны замечательными пейзажами, выполненными как акварелью, так и масляными красками. Здесь были и осенние аллеи городов, и зелёные чащи, и снеговой буран, заметающий узкую дорожку меж полей. Ничего подобного тому, что мы рисовали вместе, я не наблюдала. Голосом, полным изумления, я воскликнула:

– Так ты настоящий художник!

– Я всегда любил рисовать, мои картины хорошо покупают на ярмарках, – чуть смущённо ответил Огл.

– А я думала, ты рисуешь только Переходы и Измерения, что твои руки способны начертить посланников Гроама и невидимых сущностей нашего Мира, но то, что ты способен написать настоящую картину, даже не подозревала! Почему ты не говорил мне о своём таланте художника?

– Пришло время, и ты всё увидела сама... И потом, рисунки, наделённые Силой Гроама, намного ценнее многих из этих картин, особенно те, что ты оживила своими Символами и Знаками. Я храню их отдельно. Только один висит на стене, возле кровати, я не удержался от соблазна смотреть на него перед сном, – Огл опустил глаза. – Всё! Время идёт, пойдём на кухню.

Но я не могла спокойно покинуть комнату, не увидев рисунка. Ещё раз обвела взглядом небольшое помещение. Стол, пара стульев, маленький комод, заваленный всевозможными листами, коробками с красками, платяной шкаф, такой же старый, как и комод, жёсткая софа – вот и вся обстановка. Мебель явно принадлежала хозяину. Лишь красивейшие оранжевые шторы, переливающиеся разноцветием органзы, говорили о том, что их повесили недавно. Ещё в комнате находились два смешных мольберта, похожих на те, что Огл приносил с собой на наши с ним занятия. Оглядев внимательно стены с красивыми пейзажами, я так и не обнаружила рисунка, к которому тоже приложила руку. Наконец Огл смилостивился и вознаграждал мои поиски подсказкой. Подведя меня к кровати, он указал на потолок над изголовьем – вот она, та картинка, которую нарисовали мы во время нашей первой встречи. Я посмотрела на Огла. Он в упор глядел на меня, словно пытался прочесть мои мысли, а потом смущённо, как мне показалось, произнёс: «Этот рисунок очень дорог мне, я засыпаю и просыпаюсь, глядя на него, и вспоминаю своего проводника». Кровь ударила мне в лицо жаркой волной, и теперь уже я, сделав вид, что не услышала последней его фразы, с напускной весёлостью потащила приятеля на кухню. Здесь всё моё смущение как рукой сняло. Уж что-что, а готовить я любила и умела. Обнаружив на кухне все необходимые продукты, с радостью закатала рукава.

Глава 7

Время перевалило далеко за полдень, когда к дому подкатила повозка, запряжённая черными лошадьми. Из неё вышел человек среднего роста, на вид лет пятидесяти. Коротко подстриженные волосы высветлены красителем – седина умело скрыта. На госте была надета серая длинная рубашка и такого же цвета брюки. Изучающе окинув меня взглядом больших карих глаз, он обнялся с Оглом, а затем улыбнулся мне и представился: «Силау».

Мы с Оглом успели изрядно проголодаться, готовя наше пиршество, правда, я лишила шарлотку двух небольших яблок, с удовольствием съев их, но от голода они меня не спасли, поэтому мы сразу прошли к небольшому столу, плотно заставленному тарелками. Гость оглядел комнату.

– Да, я вижу, картин прибавилось, наверное, это место и вправду наполняет тебя вдохновением. Не жалеешь, что снял эту халупу? – усмехнувшись, Силау посмотрел на Огла.

– Ну, что ты, Силау, места здесь сказочные, сам увидишь. Прогуляемся после обеда?

Гость не ответил, а направился прямо к софе и посмотрел на потолок в изголовье. Я удивилась, что он так быстро увидел плод нашего творчества, ведь картинка не была видна на фоне чудесных пейзажей, написанных Оглом. «Символы Гроама», – спокойно произнёс Силау. Огл безотрывно и внимательно смотрел на своего Учителя, казалось, он ждал комментария, но Силау молча сел за стол, мы с радостью присоединились к нему. Вино налито в бокалы, короткий тост «за знакомство» произнесён, мы с Оглом набросились на еду. Вдруг я заметила, что тарелка Силау остаётся пустой.

– Силау, извините, мы такие невнимательные, разрешите за вами поухаживать, – улыбнулась я гостю.

Мужчина молча протянул тарелку, не сводя с меня внимательного взгляда тёмных глаз.

– Ну, что ты скажешь о наших рисунках, Силау? – Огл с уважением смотрел на Учителя.

– Да, – как-то равнодушно сказал гость, – это и вправду Символы Гроама.

– И это всё? – в голосе Огла слышались нотки разочарования и любопытства одновременно, казалось, он ждал чего-то большего.

– А ты разве никогда их не видел? Ты и раньше их изображал.

– Я – да, но Аниста... – начал было Огл, но Силау его перебил:

– Что есть Символы? Основная Сила посвящённого в его руках, в том, что он чувствует и делает. Я недавно лечил одного прокурора, так он теперь мой вечный должник. Если что, обращайтесь, – Силау засмеялся, а затем продолжил: – А что такое есть Гроам вообще? Это Сила, связывающая Проявления и Миры, она соединяет Вселенные, и она сама Вселенная. Сложно, правда, Огл? Мы ведь не знаем других покровителей, кроме Гроама, а они наверняка существуют, – Силау подлил себе вина, забыв предложить нам. – Мы приходим в этот мир, чтобы спасти и убивать.

– Убивать? – я округлила глаза. – Но Огл совсем другое говорил мне о Гроаме, про убийства ничего не знаю и не согласна...

Я осеклась под насмешливым взглядом Силау. Попивая вино, он, казалось, не замечал моего смятения и продолжал:

– Да, убивать. У каждого из нас свои понятия о Гроаме. Почему он лишает нас многих возможностей? Бывает, мы не можем проявить подаренную им же Силу. И порой убиваем, исцеляя.

Я посмотрела на Огла, тот с уважением и вниманием глядел на Учителя. А я, как ни старалась, не могла уловить смысл сказанного Силау. Тем временем гость всё подливал вино в свой бокал, он совершенно не пьянел, лишь голос становился всё громче и громче.

– Не так давно я посетил одно из Проявлений, – Силау тут же наткнулся на удивлённый взгляд Огла. – Ну, это получилось ненароком, никому от этого не было плохо, Гармония не пострадала. Что ты так смотришь на меня, Огл? Ты считаешь, что Измерения можно посещать лишь во сне? Или Гроам показывает их тебе только через вот эти акварельные художества? Нет! Существуют и другие Техники, ты и представить не можешь, насколько они интересны.

Я изумлённо глядела на Огла, он не сводил глаз со своего Учителя. Любовь, внимание и уважение читались в его взгляде! Но ведь то, что рассказывал мне Огл о Гроаме, несколько не вязалось с тем, о чём говорил Силау. А тот продолжал: «Некоторые Проявления настолько близки к нашему Миру, что выглядят точно так же. Там тоже зелёная трава, синее небо. Кое-что, конечно, отличается, например, эпоха. Так, жители одного из Измерений живут в ритме, ничуть не похожим на наш, они ездят на быстрых машинах и летают на огромных железных птицах. Никакой связи с Гроамом у них нет. Вот где можно насмотреться интересных вещей! Там можно многому научиться, например... Но об этом позже. Я считал, что попасть в одно из таких Проявлений легко, но это оказалось не так. Когда я впервые прикоснулся к телепортации, Гроам не позволил мне совершить переход. Я, как ребенок, наблюдающий в зимнюю ночь через окно полёт снежинок, стоял и глазел, как движутся сущности этого Проявления, но перейти границу Миров так и не смог. А знаешь, Огл, почему у меня это не получилось? Потому что я не знал, как это сделать!» Силау взмахнул рукой и перевернул свой фужер, в котором оставалось ещё вино. Я подскочила, чтобы вытереть стол, Силау исподлобья взглянул на меня, только тут заметила, что он изрядно пьян. «Пора подавать кофе?» – спросила я. Гость согласился, сказав, что сам хотел бы приготовить напиток. Пошатываясь, он прошёл на кухню и, пока готовил его, порядком намусорил, рассыпая то кофе, то сахар, то наливая воду нетвёрдой рукой. Кофе получился ужасно сладким и крепким, поэтому я отодвинула свою чашку, правда, на это никто не обратил внимания. Попивая свой напиток, Силау еще долго рассуждал заплетающимся языком о Проявлениях, но я уже практически не понимала ничего из того, что он говорит. Меня просто не оставляло смутное чувство, что Силау высказывает крамольные мысли. Огл же продолжал смотреть на своего Учителя почти восторженно, поэтому я решила, что не стоит переживать, скорее всего, я очень мало ещё разбираюсь во всех тонкостях Учения Гроама. Стоит заметить, что, хотя кофе, приготовленный Силау, и был необычайно крепким и невероятно сладким, на нашего гостя он произвёл положительное действие. Мужчина заметно протрезвел.

– Может, прогуляемся? – предложил Огл.

– О, нет, – заторопилась я, – скоро будет смеркаться, а я боюсь темноты, хочу засветло добраться домой.

– Она много чего боится, – усмехнулся Силау, обращаясь к Оглу.

Последняя фраза прозвучала в каком-то насмешливом тоне, и мне она не понравилась, даже обидела, скорее всего, потому, что Силау был прав – я ужасная трусиха и действительно много чего боюсь, особенно собак. А ближе к вечеру жители посёлка выпускают погулять своих пёсиков. Правда, еще ни разу не было случая, чтобы хоть один из них на кого-нибудь напал, но вид огромного, виляющего хвостом друга человека вовсе не внушает мне чувства умиления.

Огл решил за меня вступить: подарив мне ласковый взгляд, он сказал:

– А мы проводим Анисту, мы ведь смелые, правда, Силау? А по дороге я покажу тебе нечто интересное.

– Нет, ребятаки, мне пора, засиделся я тут с вами.

Силау был абсолютно трезв, он поднялся и начал собираться, не обращая внимания на наши изумлённые взгляды. «Очень вкусная шарлотка», – на этот раз Силау ласково посмотрел на меня. Уже через секунду он быстро шагнул к своей повозке.

Глава 8

Как только гость покинул нас, я тут же засобиравшись домой. Огл пошёл провожать меня, невзирая на все мои протесты. Он молчал всю дорогу, а у меня было много вопросов! Вначале я тоже шла молча, но потом не выдержала и робко сказала, что несколько по-другому представляла себе Учителя, о котором так много слышала. Мой приятель никак не отреагировал на моё замечание. Я несмело продолжила высказывать своё мнение о Силау и вскоре уже без умолку трещала о том, что мне непонятны и неприятны и рассказы Силау, и его мнение о посвящённых, и размышление о Гроаме. Огл заговорил, когда мы почти подошли к моему дому:

– Я тоже был удивлён сегодня. Поверь, Силау совершенно другой. Я и представить не мог, что Учитель может быть столь резок, категоричен...

– Знаешь, Огл, честно говоря, я считала, что и ко мне Силау отнесётся несколько иначе, – решила я до конца быть откровенной, – ведь он сам предсказал появление у тебя проводника, думала, он обрадуется нашему знакомству, а он сделал вид, будто я пустое место, или так и считает.

– Ты не права, Аниста, Силау, наверное, просто был смущён, – Огл весело улыбнулся, – ты покорила его своей красотой...

– Ой, и не стыдно издеваться над бедной девушкой? – я с укоризной посмотрела на Огла, – наверное, точно так же, как покорён ей ты!

– Ну, если честно, я был покорён твоей связью с Гроамом.

– Вот и спасибо, – я почувствовала, как начинаю закипать, – однако Силау даже не заинтересовался этой связью, более того, он смотрел на наши рисунки, как на каракули ребёнка, нет, даже хуже! Рисунками ребёнка обычно умиляются...

– Мы пришли, Аниста, – перебил меня Огл, – кажется, это твой дом.

Потом он взял меня за плечи и долго смотрел мне в глаза. Как я была счастлива в эту минуту! Ждала поцелуя, была готова к нему! Огл поцеловал меня... в макушку. А потом тихо сказал:

– Аниста, я всегда буду рядом, спокойной ночи.

Развернулся и быстро зашагал прочь.

Я долго не могла уснуть в эту ночь, всё думала о госте Огла, о нашем с ним госте. А ещё о словах, которые произнёс, прощаясь, мой друг. Эти слова будоражили меня и успокаивали одновременно. Даже не заметила, как сон на мягких лапках подкрался ко мне, а когда с наслаждением начала отдаваться его ласковым объятиям, вдруг что-то произошло! Что-то неприятное. Я понимала, что лежу на своей кровати, даже слышу, как тикают большие настенные часы, но не могла пошевелить и пальцем. А потом мне показалось, что какая-то сила поднимает меня вверх, послышалось неприятное шуршание, которое постепенно перерастало в сильный шум, этот шум проник в меня, заполнил всё моё сознание, и я испытала ужас: какая-то неведомая сила вытягивает наружу мою душу! Пытаюсь проснуться, открыть глаза, но мне это не удаётся! Хотя слово «сон» не очень подходит для описания владеющего мною состояния. Я вовсе не спала, видела все предметы в моей комнате. Стало очень страшно от невозможности управлять своим телом. Спина покрылась холодным потом, а мерзкий шум нарастал. Вдруг раздался ясный голос. Клянусь, я сразу поняла, кому он принадлежит:

– Аниста, а, Аниста? Анисточка, ха-ха-ха! – в голосе слышались игривые нотки. Неожиданно они сменились на властные, слова зазвучали ещё громче и чётче: – Я приказываю тебе, Аниста! Я приказываю тебе!

Изо всех сил я пыталась освободиться от охватившего меня кошмара, но открыть глаза никак не удавалось, словно кто-то склеил мои веки. А голос, явно принадлежавший Силау, продолжал:

– Не думай о своём теле, Аниста! Я приказываю! Не думай о своём теле!

Одновременно со словами сила, поднимающая вверх всё мое внутреннее существо, стала ещё мощнее, шум в ушах стремительно нарастал. Ужас затмил собой все другие чувства. На помощь мне каким-то образом смогла прийти хрупкая мысль-соломинка, на секунду проравшаяся сквозь страх. Я лихорадочно ухватилась за неё, вспомнив заговор от страха, которому в детстве научила меня бабушка. Собрав остатки мужества, начала мысленно его произносить. Но бабушкин заговор не действовал! Вдруг что-то холодное коснулось моего лица, и властный голос начал произносить всё громче и громче:

– Я приказываю тебе! Иробе ву кра минко пруделоо, дрелукенарти, сренг ороа креаму, стору, тробе мутаре, трода! Троде! Троде! Трода!!!

Я понимала суть произносимого заклинания. Это была чёрная мантра подчинения. На какую-то сотую долю секунды мне вдруг захотелось расслабиться и позволить себе подчиниться этому голосу. «Тебе будет интересно», – мелькнула предательская мысль, но я ещё крепче ухватилась за бабушкин заговор. Неистово дочитав его до конца, мысленно закричала: «Нет! Нет!» Я кричала и кричала. Слова приказа Силау потонули в бесконечной череде моих «Нет!». В какой-то миг мне удалось открыть глаза. Сердце бешено стучало, я задыхалась. Но кошмар цепко держал меня в своих объятиях, заставляя расслабиться; я открывала глаза – они вновь закрывались, и меня опять затягивало в мир страшных приказов колдуна. И всё же я выиграла эту борьбу: заставила себя встать с кровати и выйти из комнаты. Продолжая бороться со сном, подошла к умывальнику и несколько раз резко плеснула на себя воды. Оцепенение сна тут же прошло, уступив место страху. Я поняла, что спать в эту ночь точно уже не буду. Затем налила горячего чая и уселась на кровати. Почти весь остаток ночи я не сомкнула глаз, а потом мне удалось забыться, даже не знаю, как это произошло. Мой короткий сон был глубоким и без сновидений.

Утром, когда я собиралась на работу, ко мне в комнату зашла мама. С укором глядя мне в глаза, она сказала, что ей не нравится мой новый друг.

– Мама, сейчас не время для подобных разговоров! Может, вечером поговорим? И вообще, почему тебе не нравится Огл? А, я догадываюсь! Наверное, уже наслушалась историй про колдуна. А между прочим, Огл – художник! У нас красивый лес, вот он и остановился на окраине посёлка, чтобы рисовать пейзажи. Парень на жизнь зарабатывает продажей картин. Не переживай, мама. Мы с Оглом друзья. Мне с ним очень интересно!

– Ладно, – смягчила тон мама, – ты уже взрослая, я не могу тебе указывать, с кем дружить. Но очень прошу, будь с ним осторожнее.

– Ма-ам...

– Но я же слышала, что ты ходила всю ночь. Не спалось? Переживаешь?

– А сама-то что не спишь? Пойдём лучше чай попьём, а то уже опаздываю. Да, я плохо спала...

На работе меня ждало пополнение: ко мне привели новенькую девочку лет семи, хорошенькую, как ангел! Золотые локоны обрамляли её нежное, чуть бледноватое лицо. Огромные грустные глаза отливали каким-то необычным сине-зелёным цветом, маленький прямой носик и пухленькие губки завершали небесный облик ребенка. Привела её довольно-таки пожилая пара

– Вы, верно, бабушка с дедушкой? – улыбаясь, спросила я.

– Уже да, – опередив их, ответила девочка.

Я немного удивилась нелогичности ответа, но бабушка девочки объяснила:

– Родители Тома погибли, когда она только родилась, нам приходится её воспитывать.

Я с пониманием кивнула, про себя отметив, что, должно быть, сложно таким пожилым людям заботиться о маленьком ребёнке. Насколько же их хватит? И тут я увидела взгляд Тома. Девочка смотрела на бабушку, а в глазах стоял то ли укор, то ли усмешка. Вскоре

полянка начала наполняться детьми, родители спешили на работу, а детки с интересом окружили новенькую девочку, увлекая её в свои игры. В этот же день произошло ещё одно событие, заставившее меня немного поволноваться. Когда дети гуляли после обеденного сна, к полянке, заставленной качелями и детскими домиками, подошла странная женщина, а точнее сказать, старуха. Одета в простое синее платье, которое делало её сморщенную сухую фигуру ещё более тощей, она была интересна тем, что, несмотря на изрытое глубокими морщинами лицо, у неё были абсолютно чёрные волосы и такие же чёрные глаза, казавшиеся очень маленькими из-за нависающей кожи век. Женщина разглядывала детей, не обращавших на неё никакого внимания.

– Вы чья-то родственница? – спросила я старуху. Та промолчала, лишь взгляд её стал более напряжённым. Я проследила за ним и поняла, куда она смотрит. Её маленькие чёрные глаза прямо-таки сверлили новенькую девочку, та же, чуть отделившись от группы детей, стояла, вытянув руки по швам, и серьёзно смотрела на старуху.

– Вы знакомы? – обратилась я к незнакомке опять-таки с вопросом.

Бабуля внимательно посмотрела на меня, потом перевела взгляд на белокурого ангелочка и тихо сказала:

– Тома.

Затем быстро, насколько это мог сделать старый человек, пошла прочь.

Какое-то неприятное чувство охватило меня, почему-то сразу вспомнился ночной кошмар. Я повела детей в группу, некоторые хныкали и сопротивлялись, но я пообещала им, что до прихода родителей буду читать их любимую сказку.

Когда я вернулась домой, ко мне «в гости заглянула» грусть. Я скучала по Оглу. Днём почему-то была уверена, что он меня навестит. Хотя с чего бы? Ведь раньше он этого не делал... А потом грусть сменилась страхом: а вдруг произойдёт что-нибудь страшное, подобное кошмару прошедшей ночи? Я поняла, что боюсь спать, боюсь ночных атак Силау или кого бы там ни было. Мысль о спасении пришла неожиданно, лёгкой бабочкой запорхнула мне в голову. Немного порывшись в своём письменном столе, я нашла тонкий альбом и засохшие акварельные краски. Вырвав из альбома лист и обмакнув в краску старую кисть, я принялась рисовать. Вернее, расслабившись, дала волю рукам. Я не знала, что у меня выйдет в следующее мгновение, какую выберу краску. Постепенно страх начал отступать, а на смену ему пришло спокойствие, даже лёгкая радость. Вот уже лист разукрашен яркими цветами неизвестного сорта и вида, секунда – и кисть выводит глаза. Ого! Да они мне знакомы! Огл и сам, пожалуй, узнал бы здесь себя! Дополнила портрет смешным кругленьким личиком со вздёрнутым носиком – теперь портрет перестал быть похожим на Огла. Я улыбнулась и, подмигнув получившемуся шаржу, принялась выводить Символы Гроама. Фиолетовая краска вдохнула Силу в разноцветье рисунка. Это было заклинание Защиты! Когда работа была закончена, я поняла, что мне теперь можно не бояться, ничего не бояться здесь, в этой комнате, под защитой своего художества. Повесив картинку так, чтобы её можно было видеть, легла в постель и через мгновение уже крепко спала.

На следующий день по дороге на работу я зашла в торговую лавку, где продавались скляные изделия и канцелярия, и купила новые краски, кисти и альбомные листы. После обеда, уложив детей спать, села за стол и принялась рисовать. На этот раз картинка получалась какой-то мрачной, в ней преобладали коричневые и чёрные тона, я размывала их мокрой кистью, словно пыталась убрать что-то нехорошее и злое или залечить какую-то рану. Вдруг почувствовала чей-то взгляд у себя за спиной. Резко обернувшись, увидела новенькую девочку. Белокурый ангел с серьёзной грустью глядел на меня. Точнее, взгляд Тома был направлен мимо меня. Она смотрела на мои художества.

– Тома, ты почему не спишь? Может, чего-нибудь хочешь?

Девочка не отвечала. Она не сводила глаз с моего рисунка.

– У тебя ничего не болит?

– У меня никогда ничего не болит.

Сказав это, маленькая красавица повернулась и медленно пошла в детскую спальню. Я поспешила за ней. Тома легла в свою кроватку и закрыла глаза.

Признаться, Тома сразу показалась мне очень странной девочкой. Я ни разу не видела её улыбки, она вела себя очень тихо, не бегала, не кричала, как все остальные дети, а лишь молча и спокойно сидела на стульчике, перебирая игрушки. Приветливые детки – охотники до всего нового – стайкой вились вокруг неё, они как будто чувствовали какую-то загадочность девочки. Тома безропотно давала ребятам кукол и брала их игрушки, но делала всё как бы автоматически. Вчера, когда бабушка и дед Тома пришли за ней, я решила поговорить с ними, объяснить, что девочка очень робкая и тихая, потому что она, вероятно, пока ещё стесняется, но пусть они не переживают, скоро Тома освоится и будет, как и все ребяташки, резвиться в детском дворе. Дед опустил глаза, а бабушка грустно сказала, что девочка не так давно пережила душевную травму, поэтому не стоит обращать внимания на её замкнутость и стараться как-то развеселить и развеять ребёнка. «Пусть всё идет так, как идёт, не трогайте её лишний раз», – попросила она, взяв девочку за ручку. Я решила прислушаться к её словам, тем более что Тома не доставляла никаких хлопот.

Вот и сейчас я молча поправила одеяло на девочке и вышла из спальни.

Глава 9

Вернувшись с работы и едва переступив порог дома, я сразу почувствовала резкий запах лекарства. Тревога острой иглой кольнула грудь. Навстречу мне вышла взволнованная мама и сказала, что отца привезли больного с работы: его слабое сердце дало о себе знать, сейчас ему очень плохо, уже приходил врач, сделал укол, теперь надо ждать улучшения. Отцу порой бывало плохо с сердцем. Частенько в его комнате стоял запах лекарственных трав и настоек. Но по обеспокоенному лицу мамы я поняла, что сегодняшней сердечный приступ отличался от других. Вдруг что-то подсказало мне, что я могу помочь отцу. Решительно повернувшись к маме, требовательно сказала:

– Мама, я хочу попробовать снять приступ, но, пожалуйста, не смейся и ни о чём не спрашивай.

– Аниста, сейчас не до смеха! – Мать вытерла заплаканные глаза.

– Пожалуйста, прошу, молчи.

Мама удивлённо и испуганно посмотрела на меня:

– Ой, может, это колдун, твой новый приятель, научил тебя чему? Аниста, что ты собираешься делать? Ты ведь не врач, мы можем помочь отцу одним – сохранять спокойствие, чтобы он мог отдохнуть

– Какой колдун?! Мама, я не врач, но я чувствую, что могу кое-что сделать для папы! И я попробую!

Мама села в кресло, выражая тем самым своё молчаливое согласие, а я достала краски, кисть и начала рисовать под удивлённый взгляд матери. Рисунок выходил мрачным, таким же, как днём, когда мои действия застала Тома. Неосознанно я разводила акварелью черноту, которую сама создала на бумаге, затем опять окунала кисть в чёрную краску и вновь смывала полученные линии. Через некоторое время моя кисть перестала брать одну лишь чёрную краску, рисунок стал серым, но я по-прежнему смывала его водой. Прошло около часа (я отметила это про себя, мельком взглянув на часы), когда моя кисть захватила голубую краску и на месте серых разводов начала вырисовывать необычный цветок. Дыхание отца стало более ровным. Я взяла другой лист и начала рисовать уже яркими и солнечными цветами. «Таким должно быть его здоровье, – прошептала я. – Стремю куам!»

– Что ты там бормочешь? – чуть слышно спросила мама, всё это время с удивлением наблюдавшая за мной.

Я, продолжая рисовать, лишь слегка взглянула на неё. «Стремю куам!» – «Так должно быть!» – повторила я, расположив вдоль рисунка небесно-голубым цветом Символы Гроама. И в это время отец открыл глаза.

– Ничего себе я поспал! – воскликнул он.

– Тебе лучше? – кинулась к нему мама.

– О! Как я хочу есть! Что ты сегодня приготовила?

Отец быстро поднялся с постели и бодро прошёл на кухню. Мама радостно устремилась за ним.

– Тебе легче? Правда? Ну и перепугал же ты всех сегодня!

– Я и сам, признаться, сдрейфил! Интересно, что мне врач уколол? Помогло! Такое чувство, что и не было никакого приступа, даже энергии прибавилось. И есть хочется!

Отец уже успел откусить кусок котлеты и теперь говорил с набитым ртом.

– Да, тебе успокоительное средство укололи, но...

– Ничего себе эффект!

– Слушай, отец, это не укол так подействовал – тебе Аниста помогла. Точно! Наша Аниста – волшебница! Смотри! – гордо сказала мама и протянула ему рисунок, разукрашенный витиеватыми спиралями и вытянутыми в струнку Символами небесного цвета.

Отец взял в руки листочек. Серьёзно глядя на него, тихо произнёс: «Мне только что снились эти цветы...»

О, с каким нетерпением мне хотелось поведать Оглу о счастливом выздоровлении отца! Как я мечтала быстрее увидеть своего друга и рассказать ему о нарисованных мною спасительных картинках. А ещё о ночном кошмаре. Но больше всего мне хотелось просто увидеть пронзительный взгляд серых глаз своего друга. Я, радостная, неслась по лесной тропинке к месту нашего знакомства. Мы теперь всегда встречались именно там. Представляла, как Огл, нежно обволакивая меня свинцовой серостью взора, будет восторгаться моими способностями. Ведь это он открыл их у меня! А потом ещё нужно как-то подобрать слова, чтобы, не обидев чувств Огла, поговорить с ним о Силау. Чем ближе я подходила к месту наших встреч, тем сильнее билось моё сердце. Вот сейчас за этими кустами увижу высокую фигуру художника... Стараясь бесшумно раздвигать ветки, чтобы Огл не сразу заметил меня, я тихонечко приближалась к поляне. Уж очень хотелось полюбоваться им издали, увидеть длинные нервные пальцы, тонкий профиль. Вдруг ход моих мыслей нарушили голоса. Один принадлежал Оглу, а другой – женщине. Раздвинув ветви ближайшего куста, я увидела собеседников, сидящих на сломленном дереве, где обычно сидели мы с Оглом. Что-то остановило меня. Стараясь не выдать своего присутствия, прислушалась.

– И чем ты сейчас будешь заниматься? – спрашивал Огл незнакомку.

Я видела лишь их спины. На женщине был длинный чёрный плащ с капюшоном – обычная дорожная одежда. По плечам чёрной стружкой разбросаны шикарные волосы. Она отвечала несколько грубоватым голосом:

– Буду делать то же, что делала всегда! Я достаточно сильна, ты ведь знаешь!

– Одной работать будет сложно.

– Ха, ты, верно, забыл, что я такой же, как и ты, извещающий, нам не нужны генераторы действия. Это проводник в одиночку совершенно бессилён.

– Ну, не скажи...

– Мы с Силау вместе исцеляли больных и познавали Гроама, были на равных! Хотя нет, я была главнее! Только Силау не хотел этого признавать. И что теперь с ним стало? Ты ведь видел его недавно?

– Да, мы встречались...

– Только не говори, что ты не заметил, как много он пьёт.

– Да, Учитель был навеселе, но...

– Огл! Неужели ты не понял, что Гроам наказал его? Наказал за то, что он отверг меня! Силау не хотел признавать, что я сильнее его!

– Вы были практически семьёй...

– Вместе мы были одной душой, потому что я не проводник! Если ты слышал рассказы о проводниках, то должен знать, что между проводником и извещающим возможна только духовная связь, им нельзя любить друг друга земной любовью, иначе Силы покинут извещающего, а в проводнике их и так очень мало. Вот мы с Силау – два извещающих. Вместе мы были Сила, да ты и сам это знаешь. Помнишь, как однажды?... – тут женщина засмеялась и перешла на шёпот, я не смогла разобрать её последних слов. Огл же в ответ на её слова как-то неопределённо хмыкнул. Затем она продолжила:

– Силау – Учитель! Наставник! Ха-ха-ха! Может, ты вспомнишь, что и я кое-чему тебя учила?

– Силау начал учить меня Законам Гроама еще задолго до нашей с тобой встречи.

– Ну и что с того? Я тоже смогла поделиться с тобой кое-какими секретами...

– Знаешь, я хотел тебе рассказать, – Огл немного отстранился от брюнетки, но она опять придвинулась к нему ближе.

– Надеюсь, ты не посвятишь всю свою жизнь поиску проводника?

– Конечно, нет, – усмехнулся Огл, – тем более что...

Но женщина не дала ему договорить, перебила на полуслове:

– Я не встречала ни одной такой пары – извещающий и проводник. Правда, слышала, что они существуют. Но ничего выдающегося из их деяний не припомню. Вот два извещающих – сила немалая! Я тебе точно говорю! Ну, сам вспомни наши успехи с Силау! И я всегда была главнее, просто Силау не хотел признавать этого факта. Но ты ведь это чувствовал? Правда, Огл?

Последние слова она произнесла глубоким низким голосом, положила руку на плечо Огла. Этого уж я не могла выдержать! Раздвинув ветки кустарника, быстро шагнула на поляну и громко поздоровалась. Огл подскочил как-то уж больно резко, а его собеседница, наоборот, медленно поднялась и повернулась ко мне. Женщина была наделена какой-то зловещей красотой. Высокая, чуть ниже Огла, стройная. На голове копна густых чёрных волос, закрученных в упругие спирали, большие чёрные глаза чересчур, пожалуй, ярко подкрашены чёрной тушью. Тяжеловатый овал лица совершенно не портил внешности незнакомки – он придавал яркость её образу. Нос с горбинкой, губы пухлые и алые, как роза. Она удивлённо уставилась на меня. Огл же радостно направился в мою сторону. Увидев улыбку на его лице, я тут же сменила нарастающий было во мне гнев на милость. Он взял меня за руку и произнёс: «Познакомьтесь, это Рена – жена Силау, а это Аниста – мой проводник». Удивление на лице Рены перешло в усмешку. Скривив губы и пренебрежительно глядя на меня, она высокомерно вымолвила: «Бывшая жена Силау». А потом повернулась к Оглу, её взгляд из высокомерного превратился в снисходительно-нежный, красотка проворковала: «Огл, любимый, не скучай, хорошо подумай о том, о чём мы говорили. Теперь я знаю, где ты живёшь, буду твоим частым гостем, уверена, что ты этому рад. Ну, а сейчас мне пора». Она легко поцеловала Огла в щёку. При этом я чуть не разревелась, чувствуя себя полной дурой. Чтобы красавица Рена и Огл не заметили нахлынувших на меня эмоций, я сделала вид, что очень интересуюсь чем-то находящимся у меня за спиной, а когда повернула голову, то Рены уже не было. Я слышала удаляющиеся шаги, но никого не видела.

Глава 10

Огл проследил за моим удивлённым взглядом и, улыбнувшись, сказал: «Рена всегда обожала эффекты». Затем на секунду поднёс ладонь к моему лицу, а когда убрал её, я увидела удаляющуюся фигуру в развевающемся чёрном дорожном плаще. Минуту я молчала, осознавая увиденное чудо. Всё это время Огл с любопытством смотрел на меня. Моё радостное настроение как рукой сняло. Совершенно расхотелось рассказывать о своих замечательных художествах. Ревность запустила в мою душу очередь острых укусов. Усевшись на сломленное дерево, я, наконец, смогла выдавить из себя:

– Да... вот это волшебство. Это круче фокусов, которые я видела в детстве на ярмарке!

– Никакое это не волшебство! Это просто умело воспроизведённая техника Закрытия!

Ты тоже так можешь, – Огл нежно улыбнулся, прикоснувшись пальцем к кончику моего носа.

– Ты шутишь?!

– Вовсе нет, ты сама не знаешь, какой Силой обладаешь, просто тебе не хватает Знаний.

– Интересно, откуда же им взяться?

– А я на что? Но ты уже не единожды использовала технику Закрытия, просто сама этого не понимала. Помнишь нашу первую встречу? Я ещё спросил, не шапка-невидимка ли была на тебе одета? Тогда я на самом деле не видел тебя. Вы, девушка, были скрыты...

– Ладно, не надо мне сказки рассказывать. Вот эта Рена сказала, что проводники очень слабы...

– Она очень разгневана на Силау, вот и говорит всё, что в голову ей придёт.

– И ещё она очень интересуется тобой...

– Ну, мало ли кто мною интересуется, меня совершенно не волнует Рена как женщина.

– Она очень красива...

– Никогда этого не замечал. Во-первых, потому что она жена моего друга...

– Бывшая жена, – перебила я Огла.

– Они не первый раз расстаются. Рена и Силау – очень красивая и сильная пара, правда, последнее время в них поселился какой-то дух соперничества...

– Она могла уже разлюбить Силау и полюбить кого-то другого.

– Я понимаю, на кого другого ты намекаешь, но для меня Рена всё равно остаётся женщиной моего друга. И больше, чем дружеские чувства, я ничего другого испытывать к ней не смогу уже по одной только этой причине. Во-вторых, если бы даже произошло что-то невероятное, если бы я изменил самому себе, своим жизненным правилам и принципам (что само по себе просто невозможно), то всё равно Рена никогда бы меня не увлекла, даже как партнёр.

– Почему же?

Огл ласково посмотрел на меня, а потом заговорил тоном, каким обычно говорят с маленькими детьми, объясняя им прописные истины:

– Я очень долго искал своего проводника, мечтал встретить рыжеволосую девушку, которая ждёт меня и предназначена мне самим Гроамом, теперь, когда нашёл её, я счастлив и ни на кого её не променяю.

Тёплые волны пробежали по моему телу. Я вновь почувствовала себя песчинкой, купающейся в океане Вселенной. Одно течение этого океана было горячим, просто обжигающим! Оно несло вдоль моего тела снизу вверх, а другое, холодное, как лёд, стремительно текло от макушки вниз по спине. Чувствуя, что краснею, я всё же отважилась спросить:

– Огл, это правда, что извещающий и проводник не должны быть влюблены друг в друга?

– Силау когда-то тоже об этом обмолвился, правда, вскользь. Он сказал, что физическая близость такой пары может убить их Силу. Когда я спросил о них с Реной, он ответил, что

они оба извещающие, их союз не подчиняется данному правилу. А вот союз извещающего и проводника самый сильный. Но редко бывает так, что им удаётся встретиться.

– Но я люблю тебя, Огл! – вырвалось у меня.

Огл внимательно посмотрел на моё смущённое лицо, потом нежно притянул меня к себе.

– Я тоже люблю тебя, Аниста, – спокойно произнёс он.

Я слегка отстранилась от Огла, почувствовав, что его признание совсем не похоже на моё откровение.

– Что такое земная любовь, Аниста? Кто её испытал? Она хрупка и порой разбивается вдребезги из-за какого-то пустяка, малейшей ссоры или взаимных обид. А наши с тобой чувства должны быть выше этого и чище, и тогда Гроам позволит нам помогать другим людям, поможет нам спасти...

– И убивать! – в сердцах перебила я Огла, потом отвернулась, попыталась успокоиться, смахнула слёзы, покотившиеся из моих глаз, но не сдержалась и разревелась, наплевав на то, что сейчас подумает обо мне приятель.

– Ну, что ты... Не плачь, дурашка! Ты – проводник! И сама ещё не знаешь, какие Силы скрыты в тебе! Если бы ты понимала это, то ни за что не променяла бы их на какую-то там земную любовь, поверь мне, Аниста!

Потом Огл начал что-то шептать мне в самое ухо, и я почувствовала, что засыпаю, перед глазами закружились чёткие Символы-буквы. Вначале я попыталась их понять, а потом просто поплыла на волнах накатившей истомы.

– Аниста, – услышала я голос Огла, – Аниста, тебе легче?

Я открыла глаза. Не знаю, сколько прошло времени, час или больше, а может, несколько минут. На смену обиде, нахлынувшей на меня, пришло спокойствие и сосредоточенность. Огл сидел рядом, его лицо было совсем близко, взгляд серых глаз завораживал и успокаивал одновременно.

– Ну, что новенького было за те пару дней, что мы не виделись?

Этот переход был таким неожиданным: Огл раньше никогда не спрашивал о моих новостях, а после испытанного мною сейчас забвения заданный вопрос вообще показался каким-то нелепым. И всё же я нехотя ответила:

– Я попробовала рисовать сама и, кажется, вылечила отца...

Огл внимательно посмотрел на меня. Сначала без энтузиазма в голосе, а потом всё с большим запалом я рассказала ему, как «рисовала здоровье». Приятель слушал молча и серьёзно.

– Возможно, помог всё же врач, – закончила я свой рассказ.

– Аниста, это сделала ты! Конечно, мне понятны твои сомнения. Но принижать свои способности тоже нельзя, иначе они затаятся в тебе. А этого нельзя допускать! Надо использовать Силу, данную тебе Гроамом, использовать её во благо.

Потом, немного подумав, Огл сказал:

– Я думаю, пора переходить к техникам Гроама. Ты готова?

– Я давно готова, но думаю, что у меня не получится...

– Опять сомнения? Аниста! Гони их прочь! Итак, начнём. Сегодня, когда я успокаивал тебя, что ты видела?

– Знаки видела, точнее, Символы.

– Насколько ясно ты их видела?

– Так же ясно, как вижу сейчас тебя.

– Отлично! А теперь закрой глаза и попробуй увидеть то, что я назову.

Я послушно зажмурилась.

– Сейчас я покажу фокус, которым так удивила тебя Рена. Смотри внимательно. Символ «зета».

Тотчас же перед моими глазами возник тёмно-фиолетовый знак.

– Что ты видишь?

– Я вижу Символ... Это знак Закрытия?

– Ты очень способная ученица, Аниста, а теперь направь его на меня.

Я представила перед собой серые глаза Огла и прикрыла их фиолетовым знаком.

– Отлично! – воскликнул Огл, а я, открыв глаза, увидела, что он смотрит как бы сквозь меня, проделывая какие-то пассы руками. – Вот сейчас я тебя вижу, а Рена, между прочим, никогда не могла закрыться так хорошо, как ты. Я всегда мог видеть её полупрозрачную фигуру, для обычного человека она была абсолютно невидима, но извещающий мог различить её силуэт. У тебя же техника Закрытия сработала идеально – ты полностью исчезла!

Я с сомнением посмотрела на свои руки, а Огл громко рассмеялся:

– Сама себя ты всё равно будешь видеть!

– А как же я проверю, правду ли ты говоришь?

– Придёт время – проверишь... Закрывай глаза, работаем дальше. Знак «ветта».

Моментально возник символ голубого цвета, и опять само собой пришло осознание его значения.

– Это символ ветра, дождя и снега, – объяснил Огл. – Попробуй вызвать его, это можно сделать лишь иллюзорно и только в то место, где находишься, и ненадолго.

Я представила сломленное дерево, на котором мы сидим, накрыла его голубым знаком, мысленно произнесла: «Дождь». Тут же крупные капли хлынули с неба. Я испуганно открыла глаза. Мы с Оглом мокли под струями холодного осеннего дождя.

– Ничего себе иллюзия! – воскликнула я, чувствуя, как быстро намокает плащ.

– Хватит! – громко крикнул Огл. И тотчас дождь прекратился.

– Я и представить себе не могла, что у меня получится! – вырвался у меня восторженный крик.

– Твои спасительные рисунки – это лишь начало, – снисходительно сказал Огл. – Сила проводника в том, что он может протянуть Символы очень чётко и быстро, извещающий никогда не сделает это так хорошо, но работать с иллюзией у извещающего получается лучше, ему под силу быстро остановить или, наоборот, усилить действия проводника. Аниста, прошу тебя, пока ты в этом хорошо ещё не разобралась, не используй Символы самостоятельно. Это может быть очень опасно! Слово «опасно» произвело на меня сильное впечатление, я всегда была трусихой, поэтому сразу же решила, что без присутствия Огла даже думать не стану о волшебных знаках.

Огл продолжал открывать мне значения различных Символов.

– Запоминай, Аниста! «Торн» – вызывает огонь, «длау» – Символ, с помощью которого можно потушить огонь, «тишь» – говорит сам за себя: с его помощью можно заставить замолчать ворчуна или усмирить гнев человека, «Куэ» – его использование заставит человека думать лишь о тебе. Последний Символ колдуньи любых звеньев используют достаточно часто для приворота, но образы этого знака у них разные. Деревенские ведьмы не способны напрямую связаться с Гроамом так, как это делает проводник, поэтому они, к счастью, владеют «Куэ» слабо, ибо то, что творят многие из колдунов, противоречит Законам Вселенной. Владение тайными Знаками – очень ответственная способность, потому как влечёт за собой большие соблазны. Вот почему посвящённый должен уметь управлять своими эмоциями, чтобы однажды в сердцах не натворить непоправимых бед и не погубить себя. Нельзя использовать Символы огня и ветра просто для развлечения, ибо можно навредить кому-нибудь, а Символ Скрытия хоть и достаточно беззлобен, но шалить с ним тоже не стоит, иначе в дальнейшем не сможешь устоять перед соблазном «поиграть» и с более сильными Знаками. Служители Гроама не должны нарушать Гармонию и Равновесие Проявлений, ведь все параллельные Миры связаны друг с другом. Мы мало разбираемся в этой их связи, но ни в коем случае не должны нарушать течение жизни рядом стоящих Измерений. Всё гораздо сложнее, чем

может показаться на первый взгляд. Мы умеем использовать Силы Гроама. Но нужно много работать, прежде чем получим право на использование Символов. Аниста, тебе не случайно уже позволили начать миссию излечения, и наша с тобой задача – справиться с ней.

Потом Огл показал мне Символ Защиты, сказав, что, пожалуй, с него и надо было начинать. Впрочем, с этим Знаком я уже была знакома: рисунок с изображением этого тройного Символа висел у меня над кроватью, поэтому разговор о Силау пришёлся как раз к месту. Слушая мой рассказ о своём наставнике, Огл выглядел хмурым, взгляд его свинцовых глаз был непроницаемым, лишь длинные пальцы слегка подрагивали, выражая некоторую нервозность. А потом он удивил меня, совершенно не к месту предложив пойти попить чайку.

Когда мы шли по тропе, ведущей к его дому, я молчала, но Огл сам продолжил разговор о Силау:

– Мне не хочется думать плохо о своём Учителе. Силау никак не может быть отступником, возможно, его очередной разрыв с Реной так повлиял на его настроение. Он всегда серьёзно переживал ссоры с ней. Я давно не видел обоих друзей, поэтому толком не знаю, что между ними произошло на этот раз. Рена тоже достаточно зла на Силау, и ко мне она приехала наверняка лишь для того, чтобы об этом визите узнал Учитель и расстроился ещё больше.

Слово «расстроился» почему-то и рассмешило меня, и вызвало бурю негодования.

– Ха-ха-ха, – я заливалась смехом, – расстроился, какие мы нежные! Я не была знакома с Силау во времена его более благодушного настроения, но человек, пытавшийся ночью управлять моим сознанием, не может у меня вызывать других чувств, кроме как страха и неприязни! Извини, Огл, если потревожила твои нежные чувства к наставнику.

Огл, как ни странно, промолчал, он не стал ни спорить со мной, восхваляя достоинства Силау, ни поддержал моего возмущения.

Уже было достаточно поздно, когда Огл, проводил меня домой и на прощанье в очередной раз наградил поцелуем в макушку. Зайдя в дом, я увидела тётю Римуальду, соседку, которая о чём-то шепталась с мамой. При моём появлении она вскинулась и, как-то косо-боко направляясь ко мне, проговорила: «Аниста, милая, помоги, мама рассказала, как ты вчера вылечила Гемеллу, вот я и жду тебя весь вечер». Я удивлённо посмотрела на встревоженную маму. Смущённо кашлянув, она объяснила, что Римуальда пожаловалась на боль в пояснице, что третий день уже мучается, пьёт болеутоляющие настои, но они помогают лишь на время. А мама рассказала ей о моих волшебных рисунках, спасших отца, который, кстати, сегодня чувствует себя прекрасно. Соседка, измученная болью, готова была на коленях умолять меня помочь ей тоже. Я попыталась было отказаться, советовала обратиться к врачу, но Римуальда настаивала, утирая слёзы: «Анисточка, деточка, если и не поможешь, так ничего страшного. Я ведь не обижусь. А вдруг станет лучше? Попробуй, умоляю!» Я взялась за краски, кисть и уже привычно начала размывать тёмные цвета. В случае с соседкой это были коричневые краски, постепенно сменившиеся на зелёные, а потом, вознаградив женщину рисунком из ярко-оранжевых неизвестных соцветий, я вопросительно посмотрела на неё. Смешно выпучив глаза, тетя Римуальда сидела, выпрямив спину, на её лице играл яркий румянец.

– Ну, Аниста, ты даёшь, – тихо произнесла она, – мне будто огнём по спине полыхало, пока ты рисовала, а сейчас, по-моему, я заново народилась на свет.

– Я рада, если смогла помочь.

– Да ты волшебница! Кто бы мог подумать! – радостно крикнула тетя Римуальда и легко подскочила со стула, потом несколько раз присела и два раза наклонилась.

– А где боль?! Боли-то как не бывало! Аниста, ты сотворила чудо!

– Да ты осторожнее! – усмиряла её довольная мама.

Римуальда расцеловала меня в щёки и кинулась домой со словами: «Побегу! За три дня столько дел накопилось!»

Глава 11

Денёк сегодня выдался на славу, тёплый и свежий, первые дни осени были сухими, солнечными и радовали яркими красками. Я играла с детьми на площадке, сама чувствуя себя маленькой девочкой, как вдруг услышала смех и знакомый голос:

– Привет, Аниста!

Сердце моё удвоенно забилося. Огл стоял совсем рядом и, улыбаясь, смотрел на меня.

– Здравствуй, Огл! Какими судьбами?

– Пришел, чтобы увидеть тебя, – серые глаза искрились. – Сегодня такой день замечательный! Правда?

Я подошла к нему поближе, стараясь скрыть смущение. Огл раньше никогда не приходил ко мне просто так, без повода, лишь я бегала на полянку – место нашей первой встречи. Там Огл учил меня основам магии.

– Это тебе, – приятель протянул мне большую красную розу.

– Спасибо, – протянула я нараспев, чувствуя, что моё лицо сейчас станет таким же алым, как цветок.

– Надо же, какой странный ребёнок, – удивлённо сказал Огл. Я проследила за его взглядом.

– Тома, правда, необычная девочка, – ответила я, наблюдая, как девочка привычно сидит в стороне от весёлой ребятни, в руках она держала куклу, но взгляд был направлен куда-то вдаль. – Её воспитывают бабушка и дед. Говорят, что родители погибли, когда Тома была ещё малышкой.

– С ней что-то не так. Ты это чувствуешь?

– Да, она отличается от детей её возраста, но я не могу понять, что именно в ней не так, да и её бабушка очень просила не доставать девочку излишним вниманием, Тома – ребенок беспроблемный, спокойный, делает всё, что ей говорят, она совсем не шалит, сидит себе в уголке с игрушками.

– В этом-то и может быть проблема, – задумчиво произнёс Огл.

– Что ты имеешь в виду?

– Пока сам не пойму, но вообще-то я пришёл к тебе, а не к твоим воспитанникам, – Огл перевёл взгляд на меня, – хочу пригласить прогуляться сегодня. Как тебе моё предложение?

– Ну, не знаю, – растерялась я, – конечно, это было бы неплохо...

– Тогда я встречу тебя после работы, погуляем, сегодня, кажется, праздник, артисты приезжают, фокусники будут на базарной площади. Ты ведь любишь фокусы, правда? – Огл рассмеялся.

Этим вечером мы окунулись в веселье. Танцевали под перезвоны гитар и стуки барабанов, пили молодое лёгкое вино, ели сухие сладкие лепёшки, кружились в хороводе вместе с другими девушками и парнями. Иногда я ловила изумлённые взгляды знакомых жителей посёлка. Подруга, которая была тут же вместе с мужем и двумя своими малышами, сосущими сладкие леденцы, подмигнув, шепнула:

– Ну, ты даёшь! Ведуна окрутила!

– Да не ведун он, просто художник.

– Да какая разница, – весело шептала слегка захмелевшая от выпитого вина Ника, – главное, что он в тебя влюблён, это сразу видно!

– Да мы просто хорошие приятели...

– Вы смотрите, – подмигнула мне подруга и, взяв за руки детей, попыталась освободить Огла от навязчивого внимания своего мужа. Изрядно выпивший, тот запальчиво рассказывал моему сегодняшнему кавалеру о том, что скоро откроется сезон охоты на диких уток.

Веселье на площади было в полном разгаре, когда к нам с Оглом, пошатываясь, подошёл дядя Хоша, по прозвищу Мешок. Заплетающимся языком он спросил:

– Аниста, правду говорят, что ты стала настоящим лекарем?

– Дядя Хоша, – рассмеялась я, – кто Вам такое рассказал, мои родители или тётя Римуальда?

– Слухами земля полнится, – философски заметил Мешок. – Я вот тоже хочу обратиться к тебе, девочка, за помощью, – Хоша покосился на Огла.

– У Вас что-то болит?

– Нет, ребятки, – Хоша обращался уже к нам обоим, – у меня другая проблема. Помогите, а?

– Так что стряслось, дядя Хоша?

– Нет, Аниста, здесь не очень удобно разговаривать, да и не в том я состоянии, – дядя Хоша кашлянул, – ты понимаешь, праздник сегодня, разгулялся старый Мешок. Сейчас начну вам такое рассказывать! Не поверите, решите, мол, перебрал Хоша, вот и сочиняет небылицы всякие. Я лучше вечером к тебе, Аниста, приду. И приятель твой пусть тоже послушает мою историю, не зря в посёлке шепчутся, что ты на окраину к колдуну стала бегать, видать, научил он тебя кое-чему. Да ты не гляди так возмущённо, деточка, посёлок-то у нас махонький, все на виду. Ну, я ничего плохого не думаю, – старый Хоша смешно затряс головой, точно испугался, что может обидеть тех, к кому сам же обратился за помощью.

– Огл не колдун, он художник! – сказала я то же самое, что говорила своей маме и подружке.

– Ну, художник, это тоже хорошо, и ничего, что не колдун, – Хоша смешно выпучил глаза, – а если владеет ремеслом колд... – тут он осёкся, затем какое-то время подбирал более безобидное слово и, наконец, придумал: – Знахарским ремеслом если владеет, то кому от этого плохо? Тебя вот, Анисточка, научил всяким таким вещам...

Хоша смотрел на меня заискивающе. Тут вмешался Огл. Засмеявшись, он пояснил немного обескураженному дяде Хоше:

– Её учить ничему не надо, она сама кого хочешь может научить, Аниста знает больше моего.

Я удивлённо покосилась на Огла, а он улыбался, глядя мне прямо в глаза без какого-либо подвоха во взоре.

– Ну-ну, – старый Хоша посмотрел на меня с ещё большим уважением. – Так я вечером забегу?

И вскоре он смешался с пёстрой весёлой толпой гуляющих сельчан.

– А ты становишься популярной личностью, – Огл улыбался и говорил без тени ехидства.

– Ну, а ты как думал? Маленький посёлок – большие разговоры! – рассмеявшись, я потянула Огла туда, откуда неслась модная песенка, под которую молодёжь водила весёлые нестройные хороводы.

Весь следующий день я пребывала в отличнейшем расположении духа и, конечно, думала о нём – о моём сероглазом друге. Да, я уже могла смело так называть Огла. Вчерашним вечером я увидела его совсем другим. Вся его серьёзность и таинственность испарились, растаяли, как горстка первого снега, чуть пригретая солнышком. Теперь он был обычным парнем, от души хохотавшим над шутками клоуна. Огл весело знакомился с моими подругами и приятелями, без умолку болтал, сыпал остротами и, пожалуй, многовато пил вина. «Наверное, после такого веселья он чувствует себя не совсем хорошо», – думала я, отправляясь с детьми на прогулку. Однако все мои опасения вмиг развеялись при его появлении. Мы с детками играли в любимые ими прятки, когда, подчинившись внезапному порыву, я оглянулась и увидела, как сероглазый извещающий шагает по тропинке к детской площадке, бодро размахивая руками и широко улыбаясь мне.

– Забежал лишь на минуту, – весело сообщил Огл, – еду в город, на ярмарку. Хочу продать картину.

– Рада, что ты улыбаешься... – я почти не слышала его слов и не сразу обратила внимание на аккуратно упакованную картину в квадратной рамке, висевшую у него на плече

– Вечером зайду в гости, может, старый Мешок и вправду что-то интересное расскажет, заодно познакомлюсь с твоими родителями, – Огл смутился, а потом, став серьёзным, исправился: – Очень хочу познакомиться с твоими родителями. Можно зайти к вам вечером? Должны же они знать, к кому их дочь бегают так часто.

Огл улыбнулся, с нежностью глядя мне в глаза... Хотя я и считала себя вполне взрослой девушкой, но, тем не менее, чувствовала себя неловко перед родителями, даже поймала себя на мысли, что лучше бы Огл не приходил сегодня. Пусть бы всё продолжалось, как было раньше: я бегала бы к нему сама на полянку – место наших встреч... Но, взглянув в его весёлые глаза, почувствовала угрызение совести. «Человек открылся пред тобой, он рад встрече, хочет, чтобы ты полностью доверяла ему, идёт знакомиться с родителями, а ты... стесняешься его, боишься разочаровать родителей?!» – укорила я себя и согласно кивнула Оглу головой.

Вернувшись с работы, первым делом сообщила маме и отцу, что у нас сегодня будет гость. Я с трепетом ожидала их реакции. Родители не высказали ни капли изумления, пожалуй, они были готовы к такому развитию событий. Ещё бы! Деревенские кумушки, поди, по всему посёлку разнесли, как я вчера на празднике веселилась с «колдуном». Отец работал часовым мастером. Почти каждый вечер после работы он ещё и дома что-нибудь мастерил. Соседи часто обращались к нему за помощью. Отец никому не мог отказать. Вот и сейчас с увеличительным стеклом в руке он склонился над разобранным механизмом. Не отрываясь от своего занятия, папа уточнил: «И не один сегодня будет гость, Хоша тоже придёт поближе к вечеру».

– Хоша? – удивилась мама. – А Мешок-то зачем решил к нам нагрязнеть? Он что, хочет продолжить вчерашний праздник?

Отец равнодушно кивнул в мою сторону.

– Вчера на празднике дочь наша пообещала Хоше Бог знает что, он весь день твердит, что только Аниста может ему помочь. Кстати, – отец смешно поднял палец вверх, – Хоша сказал, что если у Анисты получится ему помочь, то он хорошо заплатит.

– Тю-ю, – рассмеялась мама, – да у Мешка откуда деньги? Разве что старьевщику продаст своё прозвище?! – мама продолжала хохотать, отец тоже присоединился к ней. Успокоившись, мама поинтересовалась:

– Неужели Хоша заболел? А ведь всегда хвастается своим здоровьем и не понимает тех, кого недуг сваливает.

– Да нет, – нехотя ответила я, – у него какая-то история...

Мама с отцом переглянулись и опять захохотали.

Не прошло и часа, как на пороге дома появился Огл. Я поразились перемене, произошедшей в его внешности: длинные пряди были красиво и аккуратно подстрижены, и от этого волосы казались гуще; на нём был не тот серый дорожный плащ, который я привыкла видеть, а новый чёрный из дорогой ткани, на ногах блестели отполированные, похоже, тоже новые, сапоги. Огл положил на стол большой пакет с разноцветными пряниками, явно купленными на ярмарке, а маме вручил небольшой букетик, составленный рукой мастера. Мой приятель был смущён, это забавляло и умиляло меня. Но мама быстро развеяла его смущение: уже через десять минут мы сидели за столом, пили ароматный чай, и она просто и непринужденно, как разговаривают с давно знакомым человеком, сказала: «Хорошо, что у Анисты появился новый друг, а то все её приятели и подружки уже при семьях, девчонке скоро досуг провести не с кем будет, не понимаю, что так рано семьями обзаводиться, гуляли бы да гуляли ещё». Отец был очень доброжелателен и разговорчив, много рассказывал о различных часах, а Огл с интересом его слушал. Он, оказывается, тоже немного разобрался в мастерстве часовщика, поэтому

отцу сегодня вечером повезло с собеседником: он смог всласть наболтаться о своём любимом деле. О том, что к нам должен пожаловать с визитом Хоша, все уже и забыли, но тут старик появился на пороге. Водрузив на стол пакет с пряниками, такими же точно, что принёс Огл, он под общие шутки расположился за столом. После дежурных фраз гость начал разговор, ради которого и явился.

– Я сразу к делу, – начал Хоша. – Что время-то тянуть? Ты, Гемелла, может, помнишь, откуда взялось моё прозвище?

– Да, – отец, как мне показалось, грустно кивнул, – раньше ты был побогаче... и потолще. Но ведь те времена прошли давным-давно. Неужели тебя привели сюда дела минувших дней?

– Именно так, Гемелла!

– Да ну, Хоша, с чего это вдруг?

– Расскажу по порядку...

Но отец перебил рассказчика:

– Хоша! Неужели ты решил вспомнить о своём путешествии? Времени-то как много прошло!

– Правда, сосед, – вмешалась мама, – неужели решил прошлое ворошить? Зачем тебе это надо?

Здесь уже пришла моя очередь удивляться:

– О каком путешествии вы все говорите? Расскажите, дядя Хоша!

– Ладно, я за этим и пришёл, но прошу, – Хоша серьёзно посмотрел на родителей, – не перебивайте, дайте рассказать самому!

Глава 12

История дяди Хоши

Это ведь теперь вы знаете Хошу как обычного работника, труженика сельского хозяйства, любителя выпить, не имеющего ничего за душой. И даже старые жители, такие, как твои родители, Аниста, уже не помнят, почему мне дали прозвище Мешок. Когда-то я был одним из первых людей в посёлке! Лет мне было чуть больше, чем сейчас тебе, Аниста, когда завладел большим капиталом, оставленным мне отцом. Дела у меня шли в гору, я занимался продажами, имел своих работников, небольшую ферму и лесопилку. Мой покойный папаша сумел хорошо наладить дело, мне не приходилось прилагать никаких усилий для процветания бизнеса. Система работала, деньги струились ручьём в карман, то есть в мешок. Мой дед был самым богатым человеком в селе, отец тоже, у каждого из них было это прозвище – Мешок. Оно передавалось по наследству, вот пришла и моя очередь носить его. Я был молод, весел и разбалован богатством, которое, казалось, никуда от меня не денется. Когда отец умер и я вступил в право наследства, у меня появилась куча друзей! Ещё бы! Я тратил деньги, не скупясь, мне ведь не приходилось их зарабатывать потом и кровью. Девушки так и вились вокруг меня! Красавцем меня никогда не считали, но это совершенно не волновало вашего покорного слугу. Ха, зачем парню красота, если карманы трещат от денег? Признаться, вскоре мне надоела праздность. Я пытался вникнуть в суть семейного бизнеса, но это занятие не вызвало у меня интереса. Управляющие отца продолжали усердно работать и при мне, они очень хорошо вели хозяйство. И вскоре я, полностью доверившись им, отстранился от дел. Душа моя требовала чего-то большого, интересного! Будучи мальчиком, я много читал о путешествиях, мечтал и сам покорять дальние страны, эти грёзы, оставшиеся было там, в далёком детстве, оживали вновь и вновь и будоражили моё сознание.

Он появился на пороге моего дома примерно через полгода после моего вступления в законное наследство. Как же я был рад увидеть старого приятеля! Семор очень возмужал, на его щеках была лёгкая небритость, а взгляд полон превосходства. Друг скинул пыльный дорожный плащ, и я увидел, что его крепкая фигура облачена в кожаный наряд странника. Семор! Это имя всегда напоминало мне море. Я не помню, когда мы познакомились. Пожалуй, мы были знакомы с раннего детства. Семор – мой ровесник. Мы вместе ходили в школу, где приятель был заводилой, я обожал все его идеи и всегда поддерживал шалости друга. Мы мечтали о том, что станем покорителями морей и исследователями дальних стран. Страна Розовых Рек, Государство Перекрёстков – вот где мы хотели бы побывать. Эти дальние страны, которые когда-то существовали лишь в легендах, уже были открыты до нас, но всё равно полны были загадок и неизвестности. Когда мы закончили в школу, отец отправил меня в город, я поступил в престижный колледж изучать экономику, а Семор был из небогатой семьи, он устроился на работу, чтобы накопить денег на учёбу. Какое-то время мы общались, встречались, когда я приезжал домой на каникулы. Позже эти встречи стали реже, потом вообще прекратились. Я первым стал терять интерес к другу детства. У меня появились студенческие друзья – дети из таких же, как я, обеспеченных семей. Мечты о путешествиях уступили место другим интересам. Наверное, вы догадываетесь, что я говорю не об учёбе? Как-то раз, приехав домой на выходные, я поинтересовался у отца, что слышно о Семоре, сам к тому времени я уже не встречался с другом во время визитов домой. Отец, глянув на меня с укором, сказал: «Я говорил тебе ещё полгода назад, что в семье твоего друга случилась беда: отец Семора сильно заболел... неизлечимо. Они с матерью практически лишились кормильца, потом кто-то сказал бедной женщине, что есть пара, муж с женой, они врачи или колдуны, и эта пара вылечивает даже самых тяжелобольных. Мы всем посёлком деньги на дорогу собирали». А потом с гордостью добавил: «Я хорошую сумму дал». Я вспомнил, что такой разговор и вправду был. Почув-

ствовав лёгкое угрызение совести, я спросил, куда именно направлялась семья Семора. Отец пробурчал, что не знает. С тех пор лишь изредка, вспоминая какой-нибудь шкодный эпизод из школьной жизни, чувствовал приятное тепло в душе, в памяти воскрешал образ худенького длинноногого мальчика со смешным вихром на лбу и задиристым взглядом.

И вот мой старый школьный приятель стоит на пороге моего дома! Увидев моё восхищённое изумление, Семор радостно сообщил, что ему удалось осуществить нашу мечту: он уже побывал во многих интересных местах! А ещё друг рассказал мне о Стране Розовых Рек, что якобы там живёт бык якиолис, шкура которого ценится дороже золота, но найти загадочное животное довольно трудно, ещё труднее его убить, так как якиолис обладает способностью исчезать, как только почувствует опасность. Я слушал эти рассказы за обильно накрытым столом. Мы пили эль и говорили весь вечер и всю ночь. Семор рассказал, как трудно им с матерью жилось. Отец не выдержал долгой дороги к целителям и умер. Деньги, собранные односельчанами, ушли на похороны, а суммы, пожертвованной моим отцом, хватило только на то, чтобы обжиться в незнакомом городе, где произошло несчастье. Перебивались с копейки на копейку. Семор работал на двух работах, деньги уходили в основном на лечение матери, так как она не выдержала свалившегося на них горя и заболела. Вскоре и она ушла вслед за мужем. Оставшись один, юноша впал в полную растерянность, но судьба оказалась благосклонна к нему. Совершенно случайно он познакомился с проводником, нанятым в путешествие одним богачем. Пожалев парня, проводник взял его к себе в помощники. Так началась для Семора другая жизнь, полная опасностей и приключений. Я слушал друга с двояким чувством: завидовал Семору и испытывал угрызение совести. В то время, когда на его долю выпали тяжёлые испытания, я, занятый собой и погрязший в пустых развлечениях, совершенно забыл о существовании друга. Своими мыслями я поделился с приятелем. Из моих пьяных уст срывались запоздалые слова извинения и сочувствия. Семор, будучи пьяным ничуть не меньше меня, философски заметил, что каждому уготован свой путь, я всё равно ничем не смог бы ему помочь, даже если бы очень захотел. Случилось то, что случилось. Жизнь очень закалила Семора, и он за всё благодарен ей. Я успокоился, ощутив к приятелю невероятное уважение и желание подражать ему, как это было в детстве.

– Дружище, – с блеском в глазах говорил Семор, – помнишь нашу с тобой мечту попасть в Страну Розовых Рек? Именно туда я снаряжаю экспедицию. Во многих странах побывал, но до Страны Розовых Рек не добрался. Зато я узнал много интересного об этом неповторимом и загадочном месте. Многие из моих знакомых путешественников утверждают, что якиолис – легенда, на самом деле это животное не существует!

– Правда?! Не существует?! – язык отказывался меня слушать.

– В это не хочется верить! Может, информация о быке специально скрывается, чтобы охотников было поменьше? Хоша, мне удалось собрать немного денег. Их хватит, чтобы снарядить экспедицию в одну сторону. А потом я смогу разбогатеть! Бык якиолис существует! Я собрал множество доказательств! – Семор говорил очень горячо, и я почувствовал, как кровь в моих венах заструилась в бешеном ритме. – Если ты займёшь мне денег, Хоша, клянусь, я добуду быка и смогу вернуть тебе долг с процентами!

Меня закружило словно в урагане, я даже потерял рассудок на какое-то мгновение.

– Семор, я дам деньги! Но проценты мне не нужны, вообще мне не нужно их возвращать!

– Хоша, дружище... ты много выпил... знаю таких, – Семор захохотал, обнажая безупречно ровные зубы, – когда напьются, готовы дом тебе подарить...

– Нет! – перебил я друга, – деньги не подарок! Дружище, возьми меня в компаньоны. Понимаю, что ничего не умею толком, но буду прилежным учеником. Ведь Страна Розовых Рек была и моей мечтой тоже!

– Хоша! Я-то переживал, что увижу вальяжного и избалованного повесу, что буду долго тебя упрашивать дать мне займы, а ты... Да ты Человек! Хоша, мы с тобой таких дел натворим!

Оставшуюся часть ночи мы пили и говорили о предстоящем путешествии. Всю организационную работу Семор решил взять на себя. Я не стал сопротивляться. Едва добравшись до постели, тут же крепко уснул.

Когда я проснулся, день был в полном разгаре. Семора не было. Вначале я был удивлён, что приятель исчез, не сказав ни слова. Но когда он не появился и вечером, в мою душу закрадось лёгкое сомнение, признаться, я даже проверил вещи. Давненько мы не встречались, вдруг Семор никакой не путешественник, а просто жулик и вор. Но всё оказалось на месте. На следующий день я испытывал грусть и разочарование. Настроение было хуже некуда. Но когда готовился ко сну, явился Семор. Выглядел он очень уставшим, но глаза горели ярким огнём. Не удосужившись объяснить, где пропал столько времени, Семор сразу перешёл к делу, он сказал, что ему удалось найти отличного проводника, который поведёт нас в Страну Розовых Рек. Можно начинать подготовку к экспедиции.

И началось! Я был счастлив и полон энергии. Бизнес – мне было не до него – полностью повесил на управляющих. Подготовка длилась три недели. И, наконец, мы отправились в путь! Не буду озвучивать, в какую сумму мне обошлась подготовка экспедиции, скажу лишь, что мой покойный папаша никогда бы не пошёл на такой серьёзный и рискованный шаг и что ему стоило не один год трудиться, чтобы накопить средства, спущенные мною за двадцать дней. Зато мы были полностью укомплектованы, у нас был целый штат проводников во главе с тем, о котором говорил Семор. Да мой приятель и сам был отличным путешественником! Он был очень ловким, выносливым, владел навыками судовождения. Ведь наше путешествие проходило не только по суше, но и по воде. На корабле мы добрались до Страны Розовых Рек. Многочисленные реки с обычной – прозрачной – водой струились, словно вены, по телу этой маленькой Страны. Песок же на берегу был розовым, ракушки и камешки на нём отливали розово-перламутровым цветом, от этого и вода в реках казалась розовой, а вечером на фоне уходящего солнца даже бордовой. Граждане, населяющие эту страну, светлокожие, необычайно стройные и практически все светловолосые. Женщины очень красивые, пышущие здоровьем. Мужчины же показались мне хилыми и какими-то нездоровыми из-за бледных лиц и тощих фигур. Жители Страны Розовых Рек смеялись от души, слушая наше откровенное признание в том, с какой целью снаряжалась экспедиция. Для них все рассказы о якиолисе были только легендой, не более, но мы особо не горевали по этому поводу, так как были молоды, а молодые люди редко думают о завтрашнем дне. За время пути мы с Семором многому научились, закалились и возмужали. И даже не злились на проводника, уверявшего нас, что сам видел якиолиса. Он с улыбкой слушал многочисленные легенды и сказки аборигенов о волшебном животном. Мы же с другом, вдоволь напившись эля, смеялись и подтрунивали над стариком. Проводник не обижался, но и не поддерживал наших шуток, лишь попыхивал трубкой и повторял: «Всему своё время, парни, всему своё время...» Эти тихие бормотания нас очень забавляли. На седьмой день нашего пребывания в Стране Розовых Рек я сказал Семору, что пора снаряжать обратную экспедицию, нужно только купить замечательные сувениры и украшения из розовых ракушек и камней. У нас эти экзотические товары будут стоить немалых денег, и, пожалуй, я смогу частично окупить затраты, связанные с дорогой. Семор согласился, заметив, что не хочет так быстро покидать красивую Страну с гостеприимными трактирами. Узнав о предстоящем отбытии, старый проводник забеспокоился, попросил дать ему ещё немного времени, уверял, что он сможет доказать нам, что мы не зря ищем якиолиса. В очередной раз посмеявшись над проводником, мы с Семором согласились: уж больно нам понравилась Страна Розовых Рек с её охочими до любви женщинами. Если бы я знал, как дальше всё сложится, то бежал бы без оглядки из приютившего нас места, даже о сувенирах забыл бы! А через пару дней проводник вызвал

нас с Семором из таверны, где мы попивали эль в обществе двух стройных красоток, и сказал, что хочет нас кое с кем познакомить. Мы были злы на старика, просили отложить знакомство на утро. Ещё бы! Нас ждала такая приятная ночь с красивыми женщинами! Но лишь только мы увидели, с кем он нас знакомит, как наш хмель вместе с желанием остаться в таверне как рукой сняло! Красивейшая женщина стояла перед нами и разглядывала нас с лёгкой усмешкой. Оля – так звали её – заметила, что мы совершенно не похожи на опытных охотников. А чуть позже, попивая чай за столом дома, который нам любезно предоставил за умеренную плату один из жителей Страны, слушали Олю, которая приводила многочисленные доказательства существования якиолиса в жизни. Наша новая знакомая спросила, достаточно ли приведённых ею доводов, чтобы заинтересовать нас и начать охоту на легендарное животное. Я с жаром закивал головой. Честно говоря, даже если бы она ничего толком не знала о якиолисе, то бедный Хоша всё равно бы пошёл вслед за Олей, подобно бычку на привязи. Мой друг, похоже, чувствовал то же, что и я. Он во все глаза смотрел на нашу гостью и, открыв рот, слушал её повествование. А говорила она много чего нового и интересного о загадочном животном! Оказывается, поймать его можно только с помощью заговора. Якиолис появляется у Главной реки в полночь лишь раз в двадцать лет. Никто не знает, с какой именно стороны он возникнет. Места там почти необитаемы, в холодное время года вообще не встретишь ни одного путешественника. Животное появляется неожиданно из ниоткуда и так же неожиданно исчезает, растворяясь в пространстве. А с помощью заговора его можно удержать какое-то время в поле зрения. Чтобы бык долго оставался видимым, нужно уметь держать Силу заклинания, но это сложно. Якиолис появляется только на мгновение, он приходит попить воды из Главной реки, и если он чуть дольше обычного будет находиться в поле зрения, то станет уязвимым. Его можно будет убить простой пулей. Но держать заклинание сложно, потому что зверь может путать человеческое сознание (непонятно, как он это делает). Мысли того, кто читает заговор, становятся размазанными, и животное исчезает. Ещё Оля показала клочок шерсти необычайного золотого цвета и сказала, что однажды её отец сумел задержать животное, и оно, сопротивляясь действию произносимых фраз, потеряло этот клочок. Также она показала рисунки, выполненные карандашом на листке бумаги, на них было изображено большое лохматое животное на шести ногах с круглыми рогами и большущими глазами. Оля отметила, что её отец хорошо рисовал, и поэтому в точности образа можно не сомневаться. Потом наша новая знакомая пояснила, что убить якиолиса одному человеку, как это попытался сделать её отец, невозможно, потому что читать заклинание и направлять пули одновременно просто нереально, кто-то должен держать якиолиса видимым, а другой стрелять. Но самое главное, – ровно через неделю наступает срок, когда, по её подсчетам, якиолис должен появиться у Розовой Реки. «Да-а-а, всё это выглядит убедительно и заманчиво, но как узнать заклинание, ведь всё дело в нём?» – спросил я. Оля, хитро посмотрев на Семора, ответила с улыбкой: «А как вы думаете, почему я здесь? И откуда вообще всё знаю о якиолисе? Да будет вам известно, я унаследовала от отца не только желание заполучить шкуру зверя, но ещё и Знание, с помощью которого можно несколько минут держать быка в поле зрения!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.